

18+

Геннадий Иванович Коваленко

ДОНСКОЙ
ХРОНОГРАФ.
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ ДОНСКОГО
КАЗАЧЕСТВА

Том 3

Геннадий Коваленко

**Донской хронограф.
Хронологическая история
донского казачества. Том 3**

«Издательские решения»

Коваленко Г. И.

Донской хронограф. Хронологическая история донского казачества. Том 3 / Г. И. Коваленко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513045-7

Третий том «Донского хронографа» повествует о взаимоотношении донского казачества как с Россией 17-го века, так и с Крымским ханством, Ногайской ордой, горскими народами и прикочевавшими из-за Волги калмыками.

ISBN 978-5-00-513045-7

© Коваленко Г. И.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Донской Хронограф 1661 – 1674 год	7
1661 год	7
1662 год	19
1663 год	29
1664 год	34
1665 год	38
1666 год	41
1667 год	46
1668 год	53
1669 год	56
1670 год	61
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Донской хронограф. Хронологическая история донского казачества Том 3

Геннадий Иванович Коваленко

© Геннадий Иванович Коваленко, 2020

ISBN 978-5-0051-3045-7 (т. 3)

ISBN 978-5-4498-8847-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Вниманию читателей предлагается хронологическая история донских казаков начиная с 1661 по 1699 год. На сколько я знаю, ранее не предпринималось попыток написания такой книги, в которой бы можно было бы проследить год за годом историю Дона, и взаимоотношения донских казаков с Московскими царями, запорожскими казаками, ногаями, крымскими татарами и Турецкой империи в хронологическом порядке. 3 том книги, как и первые два тома состоит из 3 частей. Деление на части Хронографа достаточно условно.

Первая часть хронологической истории Войска Донского относится к периоду с 1661 по 1674 год. Она рассказывает не только о непростых взаимоотношениях донских казаков с Москвой, когда государева «дружба», и всякого рода льготы, очень быстро сменялись опалой и угрозами покарать казаков-воров, но и с новыми соседями – калмыками. Которые очень быстро превратились из верных союзников донских казаков в борьбе с ногаями и крымцами в их врагов. О налаживании непростых взаимоотношений с калмыками после жестокой вражды. В первую часть, так же вошёл период казачьего мятежа Степана Разина, мстившего Москве за смерть своего брата, казнённого по приказу воеводы за самовольный уход из действующей армии. В ней рассказывается о походе донских казаков под предводительством Степана Разина на Каспий, за зипунами, их триумфальном возвращении с огромной добычей, а так же о взятии казаками ряда русских городов по Волге и подавлении мятежа.

Вторая часть хронологической истории Войска Донского относится к периоду с 1675 по 1688 году, когда Россия, постепенно усиливаясь, начинает при помощи казаков утверждаться в Причерноморье. Она рассказывает об обострении отношений донских казаков с калмыками и раскольниками. Когда казаки мстя за разорение своих городков, совершали опустошительные походы за Волгу, громя калмыцкие стойбища. Противоречия и противостояние с раскольниками заканчиваются по сути дела гражданской войной на Дону.

В третьей части Хронографа, относящейся к 1689 – 1699 годам, рассказывается о дальнейших попытках русских царей продвинуться на Юг, и о неоднократных попытках взять турецкую крепость Азов и её взятие русскими Войсками. А так же о продолжившемся противостоянии Войска Донского с раскольниками и разгроме их городков.

«Донской хронограф» написан на основе первоисточников: войсковых отписок Московским царям, царским грамотам на Дон, отписок украинских воевод, русских летописей, мемуаров иностранцев, живших в России 17 века. При работе над «Хронографом» использовалась следующая литература: 5 томов «Донских дел», «Акты Донских дел», 12 томов «Дополнений к актам историческим». Отдельные тома «Русской исторической библиотеки» А также книги русских историков: Карамзина, Соловьёва, Ключевского, Сухорукова, Броневского, Королёва, Куца, Гусева и других.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, начиная со школьной скамьи и до лиц преклонного возраста, интересующихся реальной историей донского казачества, а не ура-патристическими агитками. В книге приводится много не известных читательской аудитории фактов, а также многочисленные отрывки из исторических документов, подкрепляющих позицию автора.

Книга посвящается памяти всех донских казаков, в том числе и моего прадеда Казьмина Севастьяна Даниловича, а также его сыновьям: Казьмину Василию Севостьяновичу, Казьмину Луке Севостьяновичу и Казьмину Ивану Севостьяновичу.

gennady.kazak1@yandex.ru Эл. адрес для отзывов.

Донской Хронограф 1661 – 1674 год

1661 год

Тем временем положение на Дону стало осложняться недостатком продовольствия. Так как купцы и промышленники, из русских украинских городов прекратили его подвоз из-за участвовавших набегов крымцев и ногаев, то и дело приступавших к казачьим городкам всё лето и осень. Усиленного государева жалованья хлебными запасами, было крайне мало для всего Войска. Так 3000 четвертей хлеба хватило бы на годовой прокорм 3000 человек, тогда как казаков в Войске, вместе с семьями, было на порядок больше. Оттого казаки, в своей войсковой отписке, присланной 20 декабря прошлого года, писали: «А как де стало на Дону Войско быть и таково де утешения им ни коли не бывало, что им ныне для промыслов своих ходить никуда нельзя, и многие де без промыслов с Дону от них разбредутся».

Алексей Михайлович внял жалобам донских казаков, вынужденных отказаться от морских походов, из-за постройки в донском гирле турецких крепостей. Поэтому он 2 января, рассмотрев войсковую челобитную, велел отпустить Войску Донскому усиленное жалованье: 7000 рублей медью, 5000 четвертей хлеба, 200 половинок гамбургских сукон, 200 пудов пороха и 100 пудов свинца. Кроме этого, по пути на Дон, на струги было указано взять 300 четвертей хлебных запасов, оставленных в прошлом году в Борщёвском монастыре.

И 10 января Алексей Михайлович отправляет Войску Донскому грамоту, в которой русский самодержец извещал донцов о получении войсковой отписки и своём решении послать на Дон усиленное жалованье. Кроме того, царь призывал казаков, верно ему служить, «борониться» от набегов турок и татар, «... и над крепостями, которые крепости на Дону и на Колонче ново крымские люди учинили, промысл как мошно учинити; и на наши великого государя украинные города про походы Крымских людей проводывати и нам, великому государю, ведомо лёхкими станицы чинити».

Государево жалованье было отправлено на Дон «... с елчанином Воином Лазаревым да с станичники ваши, с атаманом с Логином Семёновым с товарищи». Однако даже такое жалованье, без других промыслов (морских и сухопутных походов, охоты и рыбной ловли), обрекало казаков на нищету и полуголодное существование, ставлю их в полную зависимость от Москвы. Такое положение было нетерпимо и неприемлемо для донцов, и они деятельно искали выход из этого гибельного тупика.

15 февраля царь отправляет на Дон грамоту о посылке жалованья: «И мы, великий государь, вас, атаманов и казаков, пожаловали, указали к вам послати нашего великого государя жалованья с Елчанином, с Логином Семёновым с товарищи. ... И вы б, атаманы и казаки, видя нашего государя к себе милость, и жалованье, нам великому государю служили».

Кроме этого царь потребовал унять воровских казаков атамана Парфёна Иванова, занимающихся грабежами и разбоями на Каспийском море и Волге. Войсковой круг решил откликнуться на это требование и отправило с Дона на Каспийское (Хвалынское) море и р. Яик, где базировались воровские казаки, казачий отряд атаманов Василия Гладкого и Фрола Минаева. Они должны были найти там отряд «воровских» казаков во главе с Парфеном Ивановым и уговорить их прекратить разбой.

Незадолго до этих событий, в феврале 1661 г. в Черкасск прибыло калмыцкое посольство, для заключения союза с казаками. Владелец калмыков тайша Дайчин и его сын Мончик прислали в Войско своего посла мурзу Баатыршу Янгельдеева с богатыми подарками. Незадолго до этого калмыки прикочевали из-за Волги в поисках убежища в пределах России и Дона. К тому же они считали казаков союзниками и покровителями со времён Ермака, поддержав-

шего в своё время тайшу Албая в войне с киргизами и защитившего их улусы от татарских набегов. Впрочем, это не мешало многим калмыцким владетелям, прикочевавшим на Дон, совершать набеги на казачьи городки. Баатыр Янгельдеев заявил о готовности калмыков находиться в вечном подданстве у России, и её государя. Кроме этого калмыцкий посол предлагал заключить с Войском Донским мир и союз, чтобы казаки и калмыки друг на друга никаких нападений не делали и обоюдно помогали вооруженной силой в борьбе с их общими врагами – ногаями и крымцами.

Казакам это предложение пришлось по душе, договор был заключён и скреплён присягой. По обычаю, степных народов, калмыки в качестве залога верности своему слову, оставили в Главном Войске двух знатных заложников-аманатов и отбыли в свои кочевья 20 февраля 1661 г. Вместе с калмыцким посольством, войсковой атаман отправил для дальнейших переговоров донское посольство, во главе с атаманами Фёдором Буданом и Степаном Разиным, который недавно вернулся из Ливонского похода. Будущий предводитель крестьянского восстания проявил во время переговоров дипломатические способности, что в значительной мере повлияло на их исход. Прибыв в калмыцкие и едисанские кочевья, войсковые послы были с честью приняты тайшами и родовой знатью. Будан и Разин обратились к калмыкам идти вместе на крымских и нагайских татар войной. Те ответили согласием и тайша Дайчин отправил вместе с ними на Дон 500 всадников, под командой мурзы Чакула.

В Черкасске новых союзников встретили с почётом, все «начальные» люди получили богатые подарки. Соединившись с казаками, под общим командованием Корнилы Яковлева, калмыки двинулись к Азову, на кочевавшие вблизи его нагайские улусы: «И с теми де калмыки ходили из Войска атаман Корнило Яковлев и государевы воеводы, с ратными людьми к Азову на нагайские улусы, и из Азова де азовцы пришли к ногайцам на помочь, и с ними бой у них был, и калмыки де на том бою бились радетьельно; и бой де у них лучной, да копейной; и на том де бою нагайских и азовских людей побили больши 500 человек, да взяли в полон с 500 же человек, да отбили русского полону больше 100 человек». Стремясь закрепить дружбу и союз с калмыками, казаки, по общему приговору, передали им, весь захваченный полон. А также всех освобождённых русских пленников, чтобы идущее в Москву калмыцкое посольство передало их, от себя царю, «... чтобы де им (калмыкам) вперёд было повадно на крымские улусы ходить».

Калмыки со своей стороны дали Войску слово, что будут обходиться с освобождёнными россиянами как со своими гостями. С этого времени калмыки стали без опасения кочевать в степях между Волгой и Доном, вытеснив оттуда часть нагаев. Однако вскоре эта дружба была нарушена из-за многочисленных взаимных обид.

Между тем крымские татары, соединившись с нагаями и темрюцкими черкесами, в числе несколько тысяч, внезапно приступили к обнесённому земляным валом лагерю русских воевод Хитрово, в надежде взять его изгоном. Однако, не смотря на беспечность россиян, татарам не удалось сходу ворваться в лагерь. Завязался отчаянный бой. Казаки, бывшие в Черкасском городке, лежавшем в полуверсте от русского стана, услышав шум боя, тотчас выступили на помощь воеводам и в жестокой схватке опрокинули противника и погнали его к Азову, нещадно его истребляя.

Справившись с одной напастью, казакам стало известно о грядущих. Со слов, взятых в плен «языков», турецкий султан Мехмед, весной 1661 г. собирался послать на Дон каторги с янычарами и строителями, для возведения ещё одной крепости в донском гирле. Крымский хан в свою очередь слал гонцов на Кубань к ногаям, призывая их идти на Дон, громить донских казаков. Ногаи, желая отомстить донцам за свои поражения, стали вооружаться и деятельно готовиться к походу.

Тем временем в российских полках воевод Хитрово начался разброд и шатание из-за недостатка продовольствия и топлива. Начавшийся ропот перерос в открытый бунт и непови-

новение. Подняв знамёна, часть стрельцов и других ратных людей своевольно покинули лагерь и двинулись в Россию. Однако вскоре они были остановлены казаками и стрельцами, оставшимися верными присяге и возвращены в лагерь. Но и после этого, волнения не прекращались вплоть до весны, когда на Дон прибыли будары с государевым жалованьем и припасами для россиян. А пока служилые люди мелкими партиями продолжали уходить в украинные города, не выдержав тягот службы на Дону. Это продолжалось, несмотря на то, что в украинских городах воеводы нещадно били беглецов батогами.

Для осады Каланчей и Лютика, войску Донскому требовались дополнительные запасы пороха и пушечных ядер. Для их получения в Москву была отправлена ещё одна легковая станица, с челобитной Алексею Михайловичу. В самом Черкаске, и в близлежащих городках ремонтировались и оснащались струги, изготавливались штурмовые лестницы. Мелкие партии донцов продолжали вести усиленную разведку, захватывая языков и изучая подступы к турецким крепостям, высматривая их слабые места.

В марте 1661 г., казаки, съехавшись в Главное Войско и сойдясь в Круг, по общему совету с воеводами Хитрово, решили идти к Донецкой крепости (Лютику) и взять его приступом, до прихода из Крыма хана с ордой. Соединённые силы Войска и русских воевод выступили в поход 9 марта. Однако у осаждавших был явный недостаток в артиллерии и боевых припасах к ней. Так как государево жалованье должно было прибыть в Черкасск только после вскрытия Дона. Кроме того, под крепость нельзя было подвести подкопы из-за близости грунтовых вод. Поэтому приступ начался после недолгой осады и обстрела Лютика.

Казаки и россияне бросились к крепости. Преодолев ров под жестоким огнём турок, они начали взбираться на стены и башни крепости. Забравшись на кровли башен, казаки стали их разламывать, чтобы забраться внутрь. Но здесь произошло непредвиденное: Воевода Иван Хитрово, по невыясненной причине «... велел от того города прочь отступить твоим государевым ратным людям, и те твои государевы ратные люди от того города по его, Ивана Хитрова присылке пошли прочь». Так удачно начатый штурм закончился провалом. Ободренные отступлением россиян, турки воспряли духом, и сбросили поражённых изменой казаков с башен.

Потеряв 50 (?) человек убитыми и 83 ранеными, Войско Донское отошло в Черкасск. В числе раненых был и атаман Михаил Дмитриев. Принявший участие в походе казаков под «новой ханов городок» в качестве войскового есаула. В ходе штурма Лютика, Дмитриев, проявивший исключительную храбрость, был ранен. Получил ранения и второй войсковой есаул Иван Савельев.

Казаки негодовали на нерешительность и трусость стольника Ивана Хитрово, но ничего поделать не могли. Сидевшие в осаде турки, по некоторым данным потеряли 24 человека убитым и около 100 ранеными. Время для дальнейшей осады Лютика было упущено. Началась весенняя распутица, и большой разлив вешних вод, воспрепятствовавшие казакам в их замыслах. К тому же, сведения, полученные у языков, не внушали донцам оптимизма. К Азову подходили всё новые и новые силы турок и татар, которые должны были якобы прикрывать строительство двух новых крепостей. Одной у верхнего устья Мёртвого Дона, другой в устье реки Темерник.

Подобные планы крайне беспокоили казаков, и в начале апреля в Москву была отправлена легковая станица с отпиской о донских делах, где описывался неудачный поход на Лютик, в печальном исходе которого казаки обвиняли Ивана Хитрово. Писали, что Лютик и Каланчинские башни, взять нет возможности, из-за их низменного расположения и отсутствия тяжёлых осадных пушек. А также сообщали о скором строительстве двух новых крепостей и усилении гарнизонов действующих. Казаки просили Алексея Михайловича прислать новые пушки и дополнительные войска. Так как у воевод Хитрово, из-за их нерадивости и плохого снабжения, в строю осталось 3000 человек.

1 апреля воронежский воевода Иван Солнцев отправил в Войско Донское, на лёгком струге, казака Павла Чекунова с товарищем, с известием о пожаловании донцам государева жалования и о его скорой отправке.

16 апреля 1661 г. Войско Донское отправило в Москву легковую станицу атамана Дмитрия Свищёва (Афанасьева) и есаула Марка Иванова, с войсковой отпиской. В отписке казаки извещали Алексея Михайловича о совместных неудачных действиях Войска и направленных на Дон царских стольников, воевод Хитрово, под Лютиком: «... А тот де городок (построенный на Донце) и Каланчинские башни стоят на самых низких местах и опричь стенопробитных пушек взять их нельзя. Да им же де на Дону учинилось от выходцев подлинно ведомо, что нынешнею весною крымской хан <...> будет ставить городки выше тех прежних крепостей по Дону на верхнем устье Донца и на устье Темерника, и им де атаманам и казакам без государевых прибавочных ратных конных и пеших людей против ханова большого собрания стоять будет не с кем».

Сообщали они и о присылке калмыцким тайшой Дайчином, сыном его Манчиком, и всеми калмыцкими и едманскими (едисанскими?) мурзами, посольства во главе с мурзой Бахтыром (Баатыром) Янгильдеевым, для переговоров и заключения мирного договора. Как сообщали казаки, мирный договор был заключен, и калмыки дали шерть, верно служить великому государю и принять его подданство. Кроме того, калмыки, в знак верности своему слову, дали казакам двух знатных аманатов. По решению Круга, для подтверждения договора, к тайше Дайчину были отправлены знатные казаки: Фёдор Будан и Степан Разин. Вместе с ними были отпущены и попавшие ранее в плен калмыки.

Писали донцы и о посылке к воровским казакам, бесчинствующим на Волге, двух старшин, Фрола Минаева и Василия Никитина: «... и велели их, воров, уговаривать всякими мерами, чтоб они с моря и с Яику сошли и от воровства своего перестали, и вину б оне свою к тебе великому государю, принесли, и шли б на твою государеву службу к нам на Дон сее весны с нашими посыльщиками вместе». Подробности переговоров войсковых посланцев с воровскими казаками не известны. Известно только то, что с 1661 года до 1667 года грабежи и разбои по Волге и Каспийскому морю совершенно прекратились. В конце войсковой отписки шёл поимённый список казаков, погибших и раненых при неудачном штурме турецкой крепости.

На расспросе в Посольском приказе, атаман Свищёв сообщил, что в марте, на Круг, в Главное Войско, съедутся многие атаманы и казаки со всех городков. Сколько всего соберётся казаков в Черкаске, Свищёв не знал. Сами же донцы, как, впрочем, и русские ратные люди, испытывают недостаток в продовольствии и одежде: «... а хлебными де запасы и платьев в Войске и государевы ратные люди гораздо скудны». Часть служилых людей, из-за этого попыталась уйти в русские украинные города, но были возвращены. По словам атамана, небольшие отряды конных азовцев, неоднократно подступали к Черкасскому городку, не причинив казакам особого вреда. В связи с тем, что в Войске практически не осталось лошадей, донцы не могли преследовать неприятелей.

27 апреля в Москву прибыла вторая легковая казачья станица атамана Парфёна Фёдорова с войсковой отпиской и с взятым в плен крымским татаринцем Янышем. В отписке казаки сообщали царю, что 2 апреля Войско посылало под крымские улусы сильный отряд казаков, для взятия языков. У урочища Тотмак донцам удалось взять в плен несколько татар. На расспросе в Кругу они показали, что в мае хан собирается идти в поход на Россию вместе с поляками и украинским гетманом Юрием Хмельницким, по примеру своих предшественников переметнувшихся на сторону врагов России.

28 апреля Алексей Михайлович рассмотрел две войсковых челобитных. Первая челобитная была от войскового атамана Корнея Яковлева и казаков раненых при штурме Донецкого городка (Лютика). В ней атаман, сам раненый на приступе, просил пожаловать их жалованьем за пролитую кровь: «... а за нашо слушбишко, и за кровь, и за раны твоим государевым жало-

ваньем не пожалованы». И вторая челобитная была о посылке на Дон ядер: «Да они ж, атаманы и казаки, бьют челом великому государю, чтоб великий государь пожаловал ко 6 пушкам железным, которые по его великого государя казну присланы к ним на Дон с Тулы, о ядрах весом 7 и в 8, и в 10 гривенок, сколько великий государь пожалует».

Решение по этим челобитным было принято 30 апреля; царь указал приказу Казанского Дворца послать на Дон, «... атаману Корнилу Яковлеву за рану 5 рублёв, а рядовым 82 человекам по 2 рубли человеку... послать 300 ядер против челобитья их весом, по 100 ядер». Деньги раненым казакам должны были дать по «росписи» бывшие на Дону стольники Хитрово.

Станица прибыла в Москву в начале мая 1661 г. Она была благосклонно встречена в Посольском приказе. Получив войсковую отписку, присланную с легкой станицей атамана Д. Свищева, Алексей Михайлович отправил на Дон 3 мая 1660 г., благодарственную грамоту «... с изъявлением похвалы за их службу с воеводой Хитрово и за мир заключённый с калмыцкими тайшами». Далее царь уведомлял казаков о присылке им ядер к пушкам, о которых казаки били челом в своей отписке от 16 апреля: «... велели к вам послать по вашему челобитью 100 ядер весом по семь гривенок, 100 ж ядер по осьми гривенок, 100 ядер по десяти гривенок ядро». Кроме этого, царь призывал Войско Донское и далее промышлять над Крымом, вместе с его стольниками Хитрово, а так же известить его о подтверждении договора калмыцким тайшой. Царская грамота была отправлена на Дон вместе с легкой станицей атамана Дмитрия Свищёва.

Получив войсковую отписку, привезённую атаманом Парфёном Фёдоровым, Алексей Михайлович отправил 14 мая на Дон свою грамоту. В ней он благодарил казаков за присылку в Москву крымских вестей и одного из взятых в плен татар, для расспросов. А также извещал их об отправке на Дон 300 ядер, вместе с легкой станицей атамана Ф. Парфёнова. В конце грамоты он призывал донцов и далее верно ему служить, сообщая о планах и намерениях крымского хана, калги и нуредина.

Не смотря на своевременный указ об отправке хлебных запасов на Дон, воеводы, как это часто бывало, вовремя хлеб в Воронеж не доставили. Нам это становится известно из отписки воронежского воеводы Ивана Солнцева от 10 мая: «И по твоему государеву указу, из городов изс Козлова, и ис Тонбова, из Рязского воеводы, из Сокольска, из Доброго Городища князь Никита Дулов хлебных запасов и Иван Романчуков судов ко мне, холопу твоему, на Воронеж апреля по число не присылавали». В этот же день Алексей Михайлович отправил «память» в Разряд, окольничему Ивану Гарвенёву и думным дьякам Заборовскому, Брехову и Зыкову, о посылке грамот воеводам, о скорейшей отправке хлебных запасов в Воронеж.

В этом же 1661 году калмыцкие тайши и весь народ, в присутствии князя Каспулата Черкасского и дьяка Горохова, дали шерть верности и объявили себя подданными русского царя. Калмыцкие тайши, видя благосклонное к себе отношение казачества, приняли самое деятельное участие в войне с нагаями и крымскими татарами. Ходили под Перекоп, громить татарские улусы, отгонять у них лошадей и другой скот. В этих набегах их поддерживали казаки и остатки русских полков воевод Хитрово. Об этом нам становится известно из отписки в Москву: «... слышно было в Войске от бывшего в Астрахани казака, что Дайчин тайша приготовил 6000 калмык и 2000 нагайцев для похода на Дон, для удержания крымских татар от нападений на Черкасский городок и российские войска, расположенные близь оног».

Атаман Корнила Яковлев, довольный успехом заключённого союза с калмыцкой ордой, отправил в Москву легковую станицу с известием об этом, и о готовности калмыков принять русское подданство. Из Посольского приказа на Дон вскоре прибыла похвальная грамота в адрес Войска Донского и Корнилы Яковлева.

В начале мая 1661 года атаман Михаил Самаренин, во главе двадцати казаков и отрядом донских татар, возглавил поход из Войска под Крым. Согласно войсковой отписке, поход был

под Перекоп, (с. 154) где было захвачено несколько татарских «языков», давших ценные сведения о планах крымского хана.

31 мая 1661 г. Войско Донское отправило в Москву легковую станицу, во главе со знатым старшиной Михаилом Самарениным, отличившемся в поиске под Перекопом, и есаулом Иваном Григорьевым. Казаки привезли в Москву войсковую отписку, в которой войсковой атаман Яковлев сообщал о походе 15 мая 30 донцов, под командой атамана Самаренина, в Крымскую степь за языками: «В нынешнем, государь, во 169 году майя в 15 день посылали мы, холопи твои, своих Донских казаков и Татар под Крым для языков, ... и под Крымом у Перекопу Крымских людей взяли». Взятые в плен татары принадлежали к улусу Сулук мурзы, и искали вместе с ним двух бежавших черкасских полонянок. У Черного Колодезя, на Ржаном поле, татары столкнулись с отрядом атамана Самаренина, где и попали в плен.

На расспросе в Круге, татары подтвердили известия о намерении крымского хана идти летом этого года, после Курбан Байрама, против запорожских казаков, оставшихся верными союзу с Россией. В случае если запорожцы перейдут на сторону гетмана Юрия Хмельницкого, хан собирался с поляками идти в поход на Россию. Для этого хан посылал гонцов к нагайским мурзам с повелением быть готовыми к походу и выступить по первому его зову. Один из взятых в плен, татарин Курман или Курмаш, был отправлен в Москву вместе с легковой станицей атамана Самаренина. Казачья станица прибыла в Москву 17 июня.

16 июня воронежский воевода Иван Солнцев отпустил на Дон суда с государевым жалованьем, сопровождаемые дворянином Воином Лазаревым и зимовой станицей атамана Логвина Семёнова: «... а Ельчанина Воина Лозарева и Донских стоничников, отомана Логвина Семёнова с товарищи, с твоего великого государя денежною и з зелейною, и з свинцовою казною, и с сукнами, и с полными хлебными зопасы, с Воронежа на Дон отпустил июня в 16 день». Отписка воеводы об отпуске жалованья, была получена в Москве 2 июля.

Впрочем, отпуск государева жалованья мог произойти и раньше, однако многие морские струги, построенные в русских украинских городах, оказались не годными не только для морского плаванья, но и речного. Сделанные кое-как, они не подлежали даже ремонту. Казаки отказались их брать, и воеводе пришлось закупать дощаники, и лёгкие однодревные струги.

Часть ногайских мурз, выполняя повеление хана, переправились со своими улусами через Днепр и стали кочевать у Белых вод, другие у Молочных вод: «А Нагайские де мурзы Уракова родства Исук мурза да Кучюк мурза и иные мурзы с улусными людьми, да Большого Ногаю Тохтанчюк мурза, да Адиль мурза с улусными людьми, перешед Днепр, кочуют на Белых водах, блиско к Белгородским местам. А Казы мурза Ураков да Слук мурза, и иные мурзы их родства с улусными людьми кочуют на Молочных Водах». Одни татары Казыева улуса, в недавнем прошлом злейшие враги россиян, по словам языка, не только не готовятся к походу на Россию, но и собираются с ней замирились. И аталык Калабузан поехал в русские украинные города, не только для выкупа своих соплеменников, попавших в плен в прошлом году, но и для заключения мира.

На расспросе в Посольском приказе атаман Самаренин сообщил, что их товарищи, посланные к калмыцким тайшам, для подтверждения мира и «... к воровским казаком уговаривать, чтоб те казаки от воровства отстали и шли на Дон», в Войско ещё не вернулись. По словам атамана, после завершения в прошлом году строительства турками крепостей, их флот, возвращаясь в Стамбул, попал в сильнейший шторм: «... и тех де катарг 33 катарги на море совсем потопили, только де в Царь-Город пришло 2 катарги».

В связи с сильным разливом Дона, казаки весной к турецким крепостям более не приступали, ограничиваясь разведкой и взятием языков. В одной из таких вылазок: «... взяли де те посыльщики на рыбной ловле Кафинцев на комягах четырёх человек Татар. И те Татаровя в роспросе в Войске им сказали, что прислано де в Азов ис Крыма Керчинской Мулла ага, а с ним Крымских Татар человек с 400». Хан дал Мулле грамоты к нагайским мурзам и чер-

кесским князьям, с повелением идти для охраны Азова и турецких крепостей. Однако те отказались повиноваться, заявив аге: «... нам де ныне самим до себя» есть дела.

По сведениям верховых казаков, «... Калмыцкие Дайчин тайша з детьми кочуют блиско Астрахани, а к походу де изготовлено у них 6000 человек Калмыков да 2000 Ногайцев. И те де сказывают, что будут к ним на Дон, и хотят вместе з Донскими атаманы и казаки чинить над Крымом промысл». Однако ни каких официальных грамот в Войско, от калмыков или астраханского воеводы не приходило.

Через 10 дней (27 июня), Войско отправляет в Москву ещё одну легковую станицу атамана Ивана Савельева и есаула Якова Васильева, с войсковой отпиской. В ней войсковой атаман Корнила Яковлев сообщал, что: «... Ходили мы, холопы твои, с твоим государевым стольником и воеводою с Иваном Хитрым и с ратными людьми под новой донецкой город, и к тому городу приступали накрепко и с лестницами и на стене были и у башен кровли взломали и твоего государского величества стольник и воевода Иван Хитрой на приступе не был, и стоял от того донецкого города за Донцом верстах в трех и больше, и как мы, холопы твои, с твоими государевыми ратными людьми на том городе на стенах и у башен кровли взломали, и твоего царского величества стольник и воевода Иван Хитрой прислал от себя из табора начальных людей и велел от того города прочь отступить твоим государевым ратным людям, и те твои государевы ратные люди от того города по его Иванову Хитрова присылке прочь пошли».

На расспросе в Кругу, взятые под Азовом татары показали, что крымский хан собирается идти войной на Россию. Для этого он отправил одного из своих сыновей «... в Темрюк, и в Атаман (Тамань), и в Нагаи для ради собранья многих воинских людей, и быть де ему, Крымскому царевичу, и с теми воинскими людьми, под город Азов». В случае, если, прибыв под Азов, он узнает от взятых в плен языков, что русские войска в этом году на Дон не придут, ему было велено идти в поход на Россию.

Казаки сочли полученные от взятых языков сведения весьма важными и отправили одного из взятых в плен татар, Токолая, в Москву вместе со станицей атамана Савельева. Далее казаки, в своей отписке обвиняли воеводу Ивана Хитрово в провале штурма турецкой крепости. Когда он, в разгар успешного приступа, велел вверенным ему войскам отступать, называя казаков изменниками, чем обрёк дело на провал. Донцы выражали по этому поводу своё негодование и писали, что вместе им с Иваном Хитрово не служить.

По совам атамана Савельева, гарнизон Азова был сокращён султаном и составлял всего 1000 янычар и 400 татар. В башнях, как сообщалось ранее, располагалось по 300 человек и в Лютике 500. Турецкие крепости, построенные в болотистом донском гирле, были плохо приспособлены к проживанию. В результате чего, весной, из-за сырости, недостатка продовольствия и чистой воды, в них вспыхнули эпидемии, и умерло несколько сот человек. Так что султану пришлось в мае месяце отправлять для пополнения их гарнизонов 500 янычар.

Весной туркам удалось взять в плен донского казака, который на расспросе показал, что летом к Азову, на помощь казакам подойдут калмыки и астраханские служилые люди. Это вызвало обеспокоенность турок, которые отправили пленника к хану в Бахчисарай. Тот в свою очередь послал к темрюцким черкесам и нагаям своего сына, для отражения россиян.

Получив войсковую отписку, Алексей Михайлович, обеспокоился раздорами между его воеводой и казаками. Так как в предыдущей отписке, присланной со станицей атамана Афанасьева, казаки на воеводу не жаловались. По всей видимости, между ними произошла крупная ссора. И царь, стараясь сгладить разногласия между враждующими сторонами, в своей грамоте от июля 1661 года, призывал донцов служить ему по-прежнему. А сыск по делу произойдёт после возвращения воевод в Россию: «И вам бы, атаманом и казаком, с нашими великого государя стольники и воеводы и с нашими ратными людьми, оставя ссоры, быти в совете».

Кроме этого царь благодарил казаков за заключённый между ними и калмыками союз: «... В нынешнем 169 году, апреля в 16 день, писали к нам, вел. государю, вы, атаманы и казаки,

с станичники своими с атаманом Дмитрием Афонасьевым с товарищи, что в нынешнем же 169 году февраля в 20 день присылали на Дон к вам, атаманам и казакам, калмыцкие тайши Дайчин-тайша и сын его Мончик-тайша и все калмыцкие и едисанские мурзы об миру посланцев своих калмыцкого мурзу Баатыршу Янгильдеева с товарищи, и аманатов двух человек они вам на мир дали и шертовали они, калмыцкие посланцы, на своей правде на своей калмыцкой вере за Дайчина-тайшу и сына его Манчика-тайшу и за всех калмыцких и едисанских мурз и за всех воинских людей на том, что им, калмыцким тайшам, служить нам, великому государю, с вами за одно и промысл над крымскими и ногайскими людьми чинить, и никакой хитрости им над нашими, вел. государя, людьми не чинить, а для мирного подкрепления и для подлинных ведомостей послали вы, атаманы и казаки, к калмыцким тайшам с их калмыцкими посланцы своих донских казаков Федора Будана да Степана Разина».

Однако, как говорить: нет дыма без огня. И Алексей Михайлович, предполагая, что доля вины в раздорах с казаками лежит на воеводе Хитрово, отправляет ему 14 июля грамоту с выговором, приказывая действовать совместно с казаками: «И буде так, и то ты делаешь негораздо: по нашему великого государя указу велено вам нашему великого государя делом промыслиати заодно и быти в совете... и с атаманы и казаки совете имети о наших великого государя делах безо всякие вражды и ссоры, чтоб в том вашем несоединенье и ссоре наши великого государя воинским делом какие помешки и порухи не учинилось». Эта грамота была отправлена на Дон с атаманом Самарениным.

В своей очередной грамоте от 21 июля 1661 г., царь благодарил казаков за присылку вестей, но тут же делал выговор за возникшие разногласия между ними и воеводами. И призывал казаков не обострять отношений с воеводой Иваном Хитрово, обещая произвести дознание, по возвращении воеводы в Москву. Во второй своей грамоте, датированной 21 июля, Алексей Михайлович извещал казаков о прибытии в Москву калмыцкого посольства во главе с Зайсан Тарханом, привезшим от тайши Дайчина грамоту. В которой он, и другие тайши подтверждали своё подданство русскому царю: «... они Калмыцкие Дайчин, да Монча, да Солом Сереня тайши з братьями своими, и с племянники, и со всеми улусными людьми прежнее своё подданство подкрепили, и шерть вновь при посланнике нашем Канпулай (Каспулате) мурзе Черкасском и при дьяке Иване Горохове который посылан был к ним от нас, великого государя, учинили на том, что им с нашими великого государя ратными людьми против неприятеля нашего Крымского хана помогать промысл чинить за одно». Царь сообщал, что и призывал донцов действовать совместно с ними.

В тот же день ещё одна грамота с выговором была отправлена и Ивану Хитрово. В случае если воевода и впредь не будет действовать в согласии совместно с казаками, царь грозил ему опалой: «А буде ты и впредь учнёшь так делать, а по-нашему великого государя воинскому делу какая в том твоём непослушанье с ними, з Донскими казаки несовете учинитца поруха, и тебе от нас, великого государя, быти в опале».

Между тем из российских полков воевод Хитрово продолжилось бегство служилых людей и к началу сентября в строю осталось менее 3000 бойцов. Обеспокоенное этим Войско отправляет в Москву легковую станицу с просьбой присылки государевых войск и пушек. В противном же случае, казаки, из-за своего бедственного положения, грозились уйти с Дона в более спокойные места, ибо «... руки наши не в силах уже защищать жилищ наших от многочисленных врагов». Конечно, это заявление было преувеличением, и должно было лишь дипломатическим способом давления на Москву. Однако царь, связанный по рукам и ногам войной с Польшей и Крымом, не мог немедленно отправить на Дон требуемые подкрепления. Алексей Михайлович велел князю Каспулату Черкасскому, с астраханскими и терскими служилыми людьми быть в готовности в Царицыне. Украинскому гетману Брюховецкому и калмыцким тайшам были отправлены грамоты с призывами идти громить крымские улусы, и сковывать силы хана.

Летом 1661 г. крымский хан, видя, что в помощь Войску Донскому не подошли дополнительные русские полки, увёл с Дона всю свою конницу на соединение с польским королём, воевавшим в это время с Россией. Воспользовавшись этим, казаки под командой атамана Яковлева и войскового есаула Терентия Павлова, решили испытать счастье под стенами Каланчей, преграждавших им путь в море, стремясь их разрушить. 2 августа донцы приступили к ним. В полуверсте от башен они разбили лагерь и обнесли его земляным валом. Выйдя из него ночью, казаки построили шанцы в 100 саженях от Каланчей, установили на них пушки и начали обстрел: «... и под теми Каланчинскими башнями поставили шанцы, от башен сажен за сто, а иные и меньше, и под теми крепостями промысл с твоими ратными людьми чинили вместе... и на одной башне, верхний большой бой из пушек сбили, а среднего, государь, бою те твой государевы пушки не взяли». Пушки, присланные из Москвы на Дон, были малого калибра и с дефектами литья. От интенсивной стрельбы три из них взорвались, убив и перекалечив при этом многих казаков и служилых людей.

Часть турецких пушек, расположенных на верхнем ярусе башен были сбиты, но пушки, установленные в казематах крепостных стен, уцелели, защищённые мощной каменной кладкой. Но, несмотря на это, казаки и ратные люди устремились на штурм башен: «... и на одной башне с лестницами были, и Божиею, государь, волею, тех башен не взяли». Сделать подкопы, для заложения пороховых мин, было невозможно из-за близости грунтовых вод. Казаки были вынуждены отойти в Черкасск. В ходе боевых действий, в числе прочих был ранен войсковой есаул Тарентий Павлов и Михаил Терской, а также войсковой полковник Федот Прокофьев.

По итогам этих боёв, Войско Донское отправило в Москву легковую станицу с отпиской. Отписка войска Донского, привезенная в Москву 18 сентября 1661 года: «...По твоему, велик, государя, указу пошли мы, холопы твои, под Каланчинские крепости, что поставил вновь крымской хан, и под те крепости пошли, и где нам, холопам твоим, быть, от тех крепостей за полверсты, учинили земляной вал и под теми Каланчинскими земляными башнями поставили шанцы, от башен сажень за сто, а иные и меньше и под теми крепостями промысл с твоими ратными людьми чинили вместе, сколько нам, холопам твоим, милосердый Бог помощи подал, и на одной башне верхней большой бой из пушек сбили, а среднего, государь, бою те твои государевы пушки не взяли... и мы... с твоими ратными людьми... пошли к тем башням с лестницами на приступ и на одной башне на стене с лестницами были и Божиею, государь, волею тех башен не взяли».

В связи с тем, что присылка государева жалованья и обещанных русских войск задерживалась, казаки грозились с Дона разойтись от бескормицы:

«... А если, государь, твоего, в. государя, большого голандского наряду и твоей прибыльной конной и пешой рати к нам, холопам твоим, не будет, и нам, холопам твоим, с твоей государевой плесловучия Дону реки разбрестись будет всем розно, потому что держать нам, холопам твоим, не в мочь и кормитца нечем».

Создавшееся положение казалось безвыходным для Войска Донского. Но потерпев неудачу под Каланчинскими башнями, в сентябре 1661 года предприимчивые казаки нашли способ, как обойти турецкие крепости. Выше Каланчинских башен имелась ещё одна узкая одна узкая мелководная протока, непригодная для прохода в Азовское море. 300 донских казаков с русскими служилыми людьми воеводы Хитрово, под командой уже известного и излечившегося от ран войскового есаула Терентия Павлова выдвинулись к протоке.

Углубив и расширив её, казаки получали свободный доступ к морю. Однако путь по мелководному ерику, который турки и татары могли без труда перекрыть – засыпав его, был ненадёжен и чрезвычайно опасен. Для отвлечения от него неприятелей, казаки, установив пушки, открыли по башням огонь. Ночью пускали вниз по течению тяжёлые дубовые брёвна, рвавшие перетянутые через протоку железные цепи. Засевшие в цитаделях османы, каждую ночь ожи-

дали прорыва казачьих стругов, непрерывно жгли факела, готовые в любую минуту открыть убийственный огонь.

Но донцы вновь обманули своих врагов. Снарядив 20 больших стругов, 1400 казаков вышли в море по вновь прорытому Казачьему ерику. Под урочищем Бело-Сарай донцы встретились с пятью каторгами Сеин паши, вёзших в Азов 500 янычар, для усиления гарнизона. Казаки без колебаний атаковали неприятеля, и вступили с ним в бой: «... встретясь с донским войском которые были на судех, и с ними бились и к кораблям донское войско приступали, и многих из них турских людей побили, и паша с ратными людьми пошёл в Азов». Казакам не удалось захватить хорошо вооружённые каторги противника, однако турки понесли тяжёлые потери, при том, что их практически не оказалось у казаков. Отправив на лодке двух казаков для вестей, судовая рать Войска устремила к крымским берегам.

В это время, по приказу крымского хана, к Азову подошёл калга с 3000 конницы. Узнав о прорыве казачьего флота в море, он с частью азовского гарнизона подошёл к Казачьему ерику и велел его засыпать камнями и землёй, стремясь не допустить возвращения казаков в Черкасский городок. Засыпав протоку, Калга отвёл свою конницу «... для корму в черкасские места и хотел де на то место опять притти в то время как войско придёт стругами с моря».

Тем временем судовая рать донцов пристала к берегу между Кафой и Судаком, где казаки, сойдя на сушу, пошли в глубь Крыма, где разграбили и сожгли 10 татарских селений. Взяв богатую добычу, они отплыли к родным берегам, но под Арбатком попали в сильнейший шторм. Семь стругов было выброшено на берег и разбито. Однако бывшие на них казаки уцелели и двинулись в Черкасск степью, отбиваясь в течении недели от наседавших татар: «... те казаки пошли в Войско берегом, по крымской стороне и, по той стороне идучи, бились с татарами неделю, и пришли в Войско все здорово ж». Уцелевшие струги благополучно приплыли к засыпанному камнями ерику, где, не мешкая переволокли свои суда в Дон и прибыли в Главное Войско. Калга со своей 3000 конницей так и не успел перехватить отважных донцов. По всей видимости, его дозоры, оставленные у ерика, либо были вырезаны казаками, либо несли свою службу спустя рукава.

В этом же году, летом, 70 донских казаков, на лёгких стругах, ходили в поиск к улусу мурз Урамаметевых, где «... подле де моря взяли Арумбетевы половины кочевых улусных людей с тридцать человек». Другому отряду донцов, в количестве 77 человек, на двух стругах, повезло меньше. Проскользнув мимо турецких и татарских застав в Чёрное море, казаки попали в шторм. Трое суток струги носило по морю. На четвёртые сутки их выбросило на грузинское побережье, где казаки были пленены.

В октябре 1661 г. в Москву Войско Донское отправило казачью станицу во главе с атаманом Терентием Павловым, отличившимся во время походов казаков на крепость Лютик и Казачий ерик. Станица везла государю отписку о донских делах и сообщало о планах турок и крымцев.

Из расспросных речей станичного атамана Терентия Павлова, прибывшего с Дона в Москву 17 октября 1661 года: «...Приходил под Азов крымской царевич с татары, а с ним было татар 3,000 челов., да морем пришли под Азов же на пяти кораблях с турским Сеин-пашою с 500 человек, и пришед со всеми людьми, на Белосарае, встретясь с донским войском, которые были на море в судах, с ними бились и к кораблям донское войско приступало и многих у них турских людей побили, и паша с ратными людьми пошел в Азов, а прислан де он с ратными людьми, в прибавку, сидеть в новые крепости. А донское де войско, которые с теми турскими людьми бились, на 20 стругах пошли за море, на крымские места, и с того де бою прислали в войско на Дон с моря двух человек, и те де казаки в войске им сказали, что у них на море с турскими людьми бой был и турских людей многих нобили, а их де донских казаков, государским счастьем, Бог помиловал, отошли все в целе и пошли за море на крымские места. А которым де местом казаки пошли на море и то де место, Казачий ерик, крымской царевич

с азовскими и с новоприбывшими людьми засыпали и закрепили; а закрепя, отступил царевич для корму в черкасские места и хотел де на то место опять прийти в то время, как войско придет стругами с моря».

Кроме этого атаман Павлов рассказал о присылке калмыцкими тайшами на помощь Войску Донскому 500 конных калмыков, и участием их в совместном походе с казаками и русскими служилыми людьми под Азов. Где союзники разгромили ногайские улусы и азовских турок.

«...А как де к ним в войско приехали посыльщики их, атаман Федор Будан да Степан Разин, из калмыков, и в то де время пришли к ним калмыков с 500 челов., и с теми де калмыки ходили из войска, атаман Корнило Яковлев и государевы воеводы с ратными людьми к Азову на ногайские улусы, и из Азова де азовцы пришли к ногайцам на помочь, и с ними бой у них был, и калмыки де на том бою бились радетьельно, а бой де у них лучной да копейной, и на том де бою ногайских и азовских людей побили больше 500 человек и взяли в полон с 500 же человек, да отбили русского полону больше 100 челов., и тот де азовской и ногайской полон весь войском отдали калмыкам для того, чтобы де им впредь повадно было на крымские улусы ходить. А русского де полону им в войско калмыки не дали, а сказали, что тот русской полон везут они к тайшам, и тайши де тот полон отошлют к великому государю от себя».

27 ноября Войско Донское отправляет в Москву зимовую станицу атамана Корнилы Яковлева и войскового есаула Михаила Терского с войсковой отпиской. В ней казаки сообщали государю о своём неудачном приступе к Каланчинским башням 2 августа этого, а также о склонении калмыков на сторону России и выдаче им богатых подарков из войсковой казны. Кроме этого, казаки по обычаю просили его прислать им государево жалованье.

«...Поехали де они к великому государю с Дону из войска тому 4-я неделя, и пред их де приездом недели за две их посыльщики, которые были посланы на море 14 стругов, пришли к ним в войско с моря все здорово, а сказали им: были де те их товарищи <...> на тех стругах под Крымом ниже Кафы, меж Судочка на берегу, и в том де месте сожгли и разгромили деревень с 10-ть, а семь де стругов морем разметало под Арбатком, и которые де казаки были на тех стругах, и те казаки пришли в войско берегом по крымской стороне, и по той де стороне идучи, бились с татарами с неделю и пришли в войско все здорово ж».

1 декабря Войско отправило в Москву легковую станицу атамана Фрола Минаева и есаула Потапа Никитина, с войсковой отпиской, и с одним из казаков, бежавшим из Керчи. В ней войсковой атаман Осип Петров сообщал, что 29 ноября в Войско из Керчи пришли судном 15 российских беглецов. На расспросе в Кругу они рассказали, что в Крыму, с частью войска остался один из сыновей хана, а сам хан, со вторым своим сыном ушёл на соединение с польским королём и изменившим России гетманом Юрием Хмельницким. Осенью крымцы собирались уйти в Крым, однако по просьбе польского короля, остались до зимы, чтобы по зимнему пути идти в поход на Россию.

На расспросе в Посольском Приказе, атаман Минаев рассказал, что осенью к ним в Войско, прислал четырёх гонцов, во главе с казаком Мискей, запорожский атаман Иван Брюховецкий. В своей отписке он извещал донцов, что двинулся с 15000 Войском Запорожским под Перекоп, чтобы заставить крымского хана отказаться от похода на Россию. Кроме этого он призывал донских казаков запретить своим союзникам калмыкам приходить на них войной, грабить и разорять: «А они, Войско Запорожское, подданные царского ж величества, и чтоб они, тайши, улусным своим людем заказ учинили, чтоб их улусные люди впредь на Запорожье не приходили и разоренья им не чинили. А как они, Калмыки, на Крымские улусы пойдут, и они б с ними, с Войском Запорожским, ссылались и под Крымскими улусы промысл чинили заодно».

Однако не всё было так просто. Калмыки, зная об измене гетмана Хмельницкого и части украинского казачества, считали всех запорожцев изменниками и врагами русского царя, а потому своей законной добычей. Это подтверждается расспросными речами донского казака,

бывшего в Запорогах. Во время похода калмыков в Крым, он был взят в плен вместе с несколькими запорожцами: «И тех де Черкас всех они порубили, а его отпустили для того, что он сказался Донской казак. А про Черкас Калмыки говорят, что они с ними, Черкасы, не в миру, что де они царскому величеству изменники, и впредь де их они воевать учнут».

Приехавший вместе с легкой станицей Фрола Минаева, казак Анисим Фёдоров на расспросе в Посольском приказе рассказал, что попал в плен два года тому назад, во время похода за языками к нагайским улусам. Впоследствии был продан в Керчь Муртозе бейю. Летом этого года из Перекопа было получено известие «... что идут к Перекопи Калмыков з десять тысяч, а с ними идут казаки, неведомо Донские, неведомо Запорожские». Для отражения неприятеля Муртоза бей, собрав 1500 человек конницы, двинулся к Перекопу. Воспользовавшись ослаблением охраны, Анисим Фёдоров и ещё 14 россиян и казаков, украв струг бежали. Добравшись до гирла, они бросили струг и пешком добрались до Черкаска.

1662 год

24 февраля 1662 г. Войско Донское отправило под Перекоп конный отряд, «... для языков и подлинных вестей». В одной из схваток с крымскими татарами им удалось взять одного из них в плен: «... у тех наших казаков и татар под Крымом под Перекопом крымскими бой был, и на бою иных татар побили. Да на том же бою взяли те наши похождения дву татар за великим боем». Один из пленных был тяжело ранен, и его казаки расспросив зарубили, второго же, впоследствии доставили в Москву.

25 февраля, ещё одна партия донских казаков с русскими ратными людьми воеводы Якова Хитрово, совершила поход под Каланчинские башни «... для языков и подлинных вестей». У Казачьего ерика они атаковали татарскую заставу, где взяли в плен одного татарина: «... под теми башнями на казачьем ерике на заставной караул били, и многих на бою татар побили, и азовского татарина с коня за великими раны збили». На расспросе татарин рассказал о походе крымского хана на Русь и его возвращении в Крым. Весной же хан собирается идти со всей своей конницей к Азову, куда должны подойти каторги со строителями и строительными материалами, для возведения новых стен у новой крепости: «... и около Каланчинских башен, и около города, который город поставлен на Донце хочет вновь делать иные стены».

Через две недели, 8 марта, казаки ходили под Донецкую крепость (Лютик), где взяли ещё одного языка, напав на татарскую заставу, взяли ещё одного пленного. На расспросе татарин подтвердил намерения крымского хана идти к Азову, для охраны турецких рабочих, которые будут строить новые укрепления.

3 марта царём было рассмотрено челобитье донского казака Сергея Васильева, бежавшего из турецкого плена, и отпущенного Войском «... к Соловецким Чюдотворцом помолиться декабря в 17 день». Интересна судьба этого донского казака, попавшего в плен к туркам во время похода князя Пожарского с казаками под Азов. «И на том бою ево Серёшку крымские люди взяли в полон и отослали в Царьгород к турецкому султану. А у султана де ево распрося, отдали на каторгу, и был де он на той катарге 16 лет, и с той катарги во Александрее ушел. И был в Иерусалиме, а из Ерусалима был приважен к татарской Меке к Магметеву гробу. А от Мекки ушел на Армены, а из Армен в Кизылбашы. И в Шемахе де слышал он, что был у Великого Государя на Москве их кизылбашский посол отпущен к ним с великою честью и з дары... а из Шемахи он Серёшка вышел на бусе в Астарахань и на Дон.

Царь, рассмотрев челобитную Сергея Васильева, о государевом жалованье за полонное терпение, царь «... пожаловал, велел ему дать за полон и за выход 4 рубли, да сукно доброе и корм на месяц, по 6 денег».

1662 г. 10 марта Алексей Михайлович отправил на Дон свою грамоту «... с изъявлением похвалы казакам за промысл их под Каланчинскими башнями и за приглашение на государеву службу калмыков; с присылкой жалованья; о продолжении действий против крымского хана и о доставлении известий». Царь, вняв прошлогоднему челобитью Войска Донского, сообщал, что посылает на Дон жалованье «... с кашинцом с Олексеем Огороковым, да с станичники вашими, с войсковым атаманом с Корнилом Яковлевым с товарищи, 8000 рублёв денег, 200 половинок сукон анборских (гамбургских), 100 пуд зелья ручного, 100 пуд – пушечного, 100 пуд свинцу, да хлебных всяких запасов 5000 чети». Кроме этого, Алексей Михайлович писал казакам о посылке на Дон, из Царицына, князя Каспулата Черкасского, «... а с ним воеводам нашим, со многими ратными конными и пешими людьми, и велено им, ссылаясь с нашими воеводами, которые ныне на Дону, с Иваном и с Яковом Хитрово, и с вами атаманы и казаки, над Крымом и над крымскими улусы промысл чинити». А также призывал казаков держать постоянную связь с верными ему запорожскими казаками гетмана Брюховецкого.

Впоследствии, когда казаки узнали из государственной грамоты о том, какое жалование царь им пожаловал, Войско отправило в Москву ещё одну легковую станицу, с челобитной. В ней казаки били государю челом и просили о прибавке жалованья. Алексей Михайлович рассмотрел челобитную и указал отправить на Дон дополнительное жалованье в 2000 рублей. Дополнительное жалованье было послано в Воронеж с донским атаманом Родионом (Осиповым) Калужениным.

11 марта Войско отправляет в Москву легковую станицу во главе с Родионом Осиповым, сыном войскового атамана, состоящую из 12 казаков и 3 донских татар. Кроме войсковой отписки о действиях казаков и воеводы Якова Хитрово под Каланчинскими башнями и Лютиком, в феврале этого года, станица везла в Москву и языка, татарина Батырша.

1 апреля Войско Донское отправило в Москву легковую станицу атамана Родиона Осипова (Калуженина), с войсковой отпиской и тремя взятыми ими ранее татарами. В отписке казаки сообщали Алексею Михайловичу о своих службах и походах за языками, в феврале – марте этого года. А также били челом государю, с просьбой пожаловать их государевым жалованьем.

24 апреля 1662 г. Алексей Михайлович отправляет на Дон свою грамоту с изъявлением похвалы казакам за их службу и поход с воеводой Яковом Хитрово под Каланчинские башни и взятие ими языков: «... и мы, великий государь, вас, атаманов и казаков за вашу службу жалуем и милостиво похваляем». Жаловал царь, согласно казачьему челобитью, Войско Донское, 2000 рублями, отправленными на Дон, вместе со станицей Родиона Осипова. Кроме того, царь, как и в прошлой своей грамоте от 10 марта 1662 г., призывал казаков идти воевать Крым, вместе с его воеводой Яковом Хитрово, запорожскими казаками гетмана Брюховецкого и калмыцкими тайшами.

Опустошительные рейды татарской конницы на Украине, склоняли чашу весов победы в сторону польско-крымской коалиции. И потому Алексей Михайлович, опасаясь вторжения неприятелей на Левобережную Украину, зимой отправляет на Дон, Войску Донскому грамоту, с призывом идти весной громить Крым, и отвратить тем самым хана от Украины. Сойдясь в Круг, казаки заслушали государеву грамоту: «Соберите все свои силы, ниспровергните твердыни вражеские; победите самую природу и возжгите пламень опустошения в областях крымских; слава поведёт вас на брань, а мои щедроты».

Казаки тотчас откликнулись на этот призыв, и отправили во все донские городки грамоты, извещая об общем сборе в Главном Войске. Получив грамоты, казаки, бывшие в городках по Дону и запольным рекам, оставив часть товарищей для охраны своих жилищ, прибыли весной в Главное Войско, где снарядили 26 морских стругов. Сойдясь в Круг, казаки снова выбрали войсковым атаманом Осипа Петрова, походным атаманом был избран Корнила Яковлев. В морской поиск вышло свыше 1000 донских казаков, к которым присоединилась часть русских служилых людей.

Однако азовские турки узнали от перебежчиков о готовящемся походе и решили перекрыть Казачий ерик, чтобы не допустить казаков в море. Для этого, у ерика, на Казачьем острове, азовцы спешно возвели укрепления: насыпали валы шанцев и установили на них пушки. Рядом вырыли окопы, и засели в них с ружьями: «Крымский царевич калга Иширин бей и визерь с Темрютскими Черкесы и с Нагайцы, и с Азовскими воинскими со многими людьми под Азовым на казачьем ерке поделали шанцы накрепко на верхнем и на нижнем устьях; и на тех шанцах Янычена с огненным боем засели, и бой великий был с утра и до вечера».

Для Войска эти приготовления не остались незамеченными. На общем совете было решено прорываться к морю всеми силами. 17 апреля 1662 г. казачьи струги двинулись к донскому гирлу, вслед за ними, сушей, шло всё казачье и государево войско, для обеспечения безопасного прохода судовой рати. При его приближении к укреплениям, турки открыли огонь. Завязался бой: «... и в тех государь шанцах, те крымские и азовские люди с огненным боем

и пушками сидели, и у нас холопей твоих, с ними бой великий был; и за тем, государь, великим боем милостью Божиею и твоим государевым царёвым и в. князя Алексея Михайловича всея Великие и Малые и Белые России самодержца щастием тех крымских и азовских людей из шанцев выбили, и шанцы их мы, холопы твои, взяли, и в тех, государь шанцах мы сами засели; а в то государь, время мы, холопы твои Казачий ерик раскопали и струги морские, 26 стругов с войском на море пропустили дал Бог здорово». Выбитые из шанцев азовцы и татары пытались воспрепятствовать земляным работам донцов и русских ратников, но всякий раз были с большим уроном отбиты.

Азовский паша, видя, что своими силами не может воспрепятствовать неприятелям, отправил к крымскому хану гонца, с просьбой прислать войска для блокирования гирла и недопущению казаков в Черкасский городок, при их возвращении. Получив это известие, хан немедленно отправил к Азову своего сына с 3000 сейменов (постоянное ханское войско), где к ним должны были присоединиться 10000 кубанских нагаев. Однако казаки и русские служилые люди ушли в Главное Войско до прихода татар. Вернувшиеся в Черкасск казаки отправили в Москву легковую станицу с отпиской о донских делах, во главе с атаманом Григорием Кузминым.

Очевидно после всех этих событий Войско Донское отправило в Москву легковую станицу атамана Григория Кузьмина, с отпиской о произошедших событиях и планах крымского хана.

В войсковой отписке донских казаков, привезенной в Москву 12 мая 1662 года, в числе прочего говорилось: «...Апреля в 17 день, по твоему, великого государя, указу отпустили мы, холопы твои, войска на твою, великого государя, службу, стругами на море на Крым и на крымские улусы, а твой государев стольник и воевода Яков Тимофеевич Хитрово и с твоими государевыми ратными людьми пошел с войском на Крым же, на крымские улусы, вместе, и мы, холопы твои, войско и твоего государева стольника и воеводу Якова Тимофеевича и твоих государевых ратных людей ходили провожать, и уведав, государь, крымские и азовские люди, что войско идет на твою, великого государя, службу на море, шанцы они сделали против Казачьего ерека, на Калачинском острову, на устье, и в тех, государь, шанцах, те крымские и азовские люди с огненным боем и с пушками сидели, и у нас, холопов твоих, с ними бой великий был, и затем, государь, великим боем, милостью Божиею и твоим государевым царевым и великого князя Алексея Михайловича, всея Великие и Малые и Белые России самодержца счастьем, тех крымских и азовских людей из шанцев выбили, и шанцы их мы, холопы твои, взяли, а в то, государь, время, мы, холопы твои, Казачий ерик раскопали и струги морские, 26 стругов, с войском на море пропустили, дал Бог здорово».

31 мая дворянин Окроков, приняв государево жалованье Войску Донскому, был отпущен воеводой Иваном Солнцевым на Дон.

В июне 1662 г. на Дон, в помощь Войску Донскому, пришли российские полки князя Каспулата Черкасского, старого знакомого казаков и думного дворянина Замятни Леонтьева. С их приходом война с турками и крымцами разгорелась с новой силой, оттягивая на Дон значительные силы мусульманских владык. Объединённые силы Войска, русских полков и калмыков, совершили походы на Тамань, под Азов и Перекоп, опустошая земли крымских татар, нагаев и темрюцких черкесов.

Так 700 или 800 донских казаков, под командой атамана Степана Разина, соединившись с калмыками и запорожцами, совершили поход под Перекоп, где погромили многие татарские улусы и отогнали большие стада скота. На обратном пути казаков и калмыков настигла погоня. В завязавшемся бою татары были наголову разбиты и обратились в бегство. В одном из этих сражений был тяжело ранен сам крымский хан.

Не смотря на ожесточённую войну на Украине, переговоры между Москвой и Бахчисараем не прерывались. Крымский хан продолжал требовать от Москвы невозможного, но Алексей Михайлович, был твёрд в отстаивании позиций России. Царь был доволен действиями казачества. Впервые на переговорах с Крымом, Алексей Михайлович, без всяких оговорок и обиняков, признал действия Войска Донского правомерными и обвинил азовцев и крымцов в нарушении мирных договоров и нападении на казачьи городки и русские укреплённые пункты. И только поэтому казаки дают отпор туркам и крымцам.

Крымский хан, бывший вне себя от разбоев и разорений, чинимых казаками и калмыками, обратился к турецкому султану с просьбой прислать строителей и войска, для закладки двух новых крепостей в донском гирле и Миусском лимане. Об этом в Войске стало известно от языков, взятых казаками во время их совместного похода под Азов с русскими полками. Где их объединённые силы разгромили предместья города: «... а в расспросе вам те языки сказали, что крымский хан хочет идти сего лета к вам на Дон полем коньми, а морем каторгами и усть Миуса реки и на казачьем ерике ставить новые крепости, и вас атаманов и казаков с Дону сбить, чтоб реки Дону вас на море теми месты не пропустить».

Но вскоре хан, получивший ранения при отражении стремительного набега донских казаков в июне 1662 г., был вынужден отказаться от этих планов. Отписку об этом поиске под Азовом, Войско отправило 3 мая 1663 г., с легкой станицей атамана Якова Гаврилова. В Москве же подробности этого столкновения, уже были известны со слов перекопского мурзы Карашбея Шагина: «... приходили де под Перекоп калмыков 400 человек, царёвы и нурадиновы шатры сбили и многих в бою татар побили, и взяли на том бою крымского мурзу, а царя и нурадына царевича отстрелили (ранили стрелами), сваясь (спешась) с лошадями пеши семени (сеймены), а только б не семени, и царя калмыки взяли; а за Перекопью взяли на жниве и на сенокосе татар человек с 200 и стада многие конские и животинные отогнали, а у калмыков на бою взяли одного человека».

Несколько позднее, казаки и калмыки, ободрённые успехом своих набегов, вновь появились под Перекопом, погромив улус Карашбея Шагина, и отогнали большие стада скота (коней, коров и овец). Собрав 500 татар мурза Карашбей бросился в погоню и настиг неприятелей, но был наголову разбит. Заманив татар в ловушку, казаки и калмыки вырубili свыше 400 крымцов: «Приходили к Перекопи калмыки с донскими казаками, конные и животинные стада отогнали, а перекопский бей Караш ходил за теми калмыки и за теми донскими казаки с ратными людьми, а ратных людей у него было 500 человек; и у Караша с калмыки, и с казаки был бой, и с того бою Караш прибежал в Перекоп не с большими людьми, а ратных людей на том пропало с 400 человек».

Тем временем, судовая рать донцов и россиян во главе с Корнеем Яковлевым и воеводой Яковом Хитрово, предала огню и мечу крымское побережье: взяли и разорили Керчь и близ лежащие селения, где захватили большое число ясыря и освободили многих пленных россиян: «Керчь с уездом разорили, и ясырь многой поимали, и наших в. государя взятых пленных людей многих из плену освободили, да и с теми же своими станичниками прислали к нам, великому государю». У берегов Кафы казаки и россияне захватили большой торговый корабль: «Да они ж де взяли на море корабль, а шол тот корабль ис Кафы в Царь-город со пшеницею и с ясырём... а тою де пшеницею государевы ратные люди и они, Донские казаки, на море и на осаде кормились, варили и ели». Впоследствии об этом говорил в расспросных речах дворянин Околоков: «А казаки были на Керче городок и посад взяли, и выжгли, и вырубili, и многих в полон имали».

Русский же посланник в Крыму Яков Якушин получил известия от мурзы Маметши, о погроме донскими казаками 3 июля крымских берегов у селения Ипельи, где в ходе боя было взято в плен два казака. Они под пыткой показали, что незадолго до этого громили ана-

толийское побережье Турции, разорив и предав огню множество селений под Трапезундом и Унгой (?).

«...Июля в 5 день посылали посланника к Маметше князю переводчика Кутлоаметя, и Маметша князь ему сказывал: донские казаки объявились июля в 3 день, под Игелью, выходили на берег для добычи, и в то время взяли у них двух человек донских казаков, и те казаки в расспросе сказали, были они за морем на Анадольской стороне под Трапизоном, в Унге многие места пожгли».

4 июля 1662 г. на Дон, с государевым жалованьем и грамотой прибыл дворянин Алексей О कोरोков, сопровождаемый зимовой станицей Корнея Яковлева. Казаки торжественно встретили караван государевых судов: стреляли из пушек и ружей, били в колокола: «И мы, холопи твои, ... и принели у тово твоего государева дворянина, у Алексея О कोरोкова твоего царского денежного жалованьям десеть тысяч рублёв денег, двести половинок сукон анбурских, сто пуд зелья ручного, сто пуд свинцу да хлебных всяких запасов пять тысяч чети, да четыре пушки больших медных, да две пушки вогненки (?), и ядра нарядные, и порох (порох) с великою честью».

Взяв большую добычу, казаки решили вернуться в Черкасск. Однако к этому времени, турки и татары вновь укрепились у Казачьего ерика и его окрестностях. Узнав об этом, Походный атаман Яковлев отправляет на лодках нескольких казаков в Главное Войско, с известием о своём возвращении. Получив эту весть, почти все казаки и русские ратные люди вышли из Черкасска, для оказания помощи своим братьям. Корнила Яковлев, видя, что турки и татары сильно укрепили свои позиции, не стал рисковать взятой добычей. Оставив на стругах 300 человек во главе с воеводой Хитрово, он приказал им идти в устье Кальмиуса (Миуса), где они будут встречены основными силами Войска.

Остальные казаки сошли на берег, где решили проложить себе дорогу силой оружия. Атакованные с двух сторон азовцы и татары, не выдержав мощного натиска донцов, были разбиты и отступили, понеся потери: «... а донские казаки, которые были на море, покинув струги на Азовском море, пошли на Дон сухим путём, и у калги-царевича и у азовского паши с теми донскими казаками был бой у Свинного протоку и донские казаки большим боем прошли на Дон, а которые донские казаки на том бою взяты, и те казаки в расспросе сказывали, – оставили они в стругах на Азовском море 300 человек и велели идти в Кальмиус (Миус), и дожидаться с Дону, от себя выручки».

Пока в гирле Дона шло сражение, казачьи струги приплыли в устье Миуса и сели в осаду, построив укрепленный городок: «А в Миусе, государь, речке наши Донские казаки и воевода Яков Хитрово с твоими государевыми ратными людьми в городке сидели недели с четыре и больша у твоих государевых стругов». Вскоре туда подошла сухопутная рать Войска Донского. Затопив суда и перегрузив добычу на телеги и вьючных коней, казаки двинулись к Черкасску степями.

Однако крымцы и азовцы, потерпев поражение у Свинной протоки, решили взять реванш. Узнав от пленных казаков о намерениях их братьев идти с добычей сухим путём, азовский паша отправил янычар на помощь калге Иширин Гирею. Тот выступил на перехват донцов и настиг их на реке Тузлов. Но для казаков, такой оборот событий не стал неожиданностью. Насыпав вал и вырыв окопы, они устроили земляной городок, из которого в течение 13 дней (по другим данным 11 дней) отражали все приступы татар и турок: «... и сидели они на степи в осаде... окопався 13 дней, и к ним приступали безпрестанно жестокими приступы; и на тех приступах многих Татар они побии». Среди убитых, оказались и многие знатные люди: «... и мурзу у них Асламбека на том бою убили, и бердника Азовского, которой под твои государевы украинные городы и на Тар (Тор?) с Азовцами и с Крымскими людьми хаживал войною, убили ж».

Потерпев неудачу при попытках взять штурмом, укрепленный казачий лагерь, калга решил взять осажденных измором: «... и хотел их тот царевич калга войско наше в окопе мором выморить». Но казаки везли с собой захваченное на турецком корабле зерно, которое и спасло их от голодной смерти. К сожалению, последующий фрагмент войсковой отписки утрачен, и мы можем лишь предполагать, что казаки и русские ратные люди, внезапно выйдя из укрепленного городка, наголову разбили войска крымского царевича и вернулись в Войско.

По приданию во время этой осады, казаку Ивану Стародубцеву привиделся образ Божьей Матери Одигитрии, с требованием возвращения её иконы в монастырь на реке Вилие, близ Вильны. В случае если донцы не сделают этого, все их предприятия ждут беды и неудачи. Икону казаки в качестве трофея привезли в Черкасский городок в 1656 г. возвратясь из Литвы, где они были в походе вместе с русскими войсками. Это было уже не первое появление образа Божией Матери Одигитрии, но казаки всё медлили, не решаясь расстаться с драгоценной реликвией. Теперь донцы твёрдо решили вернуть икону в монастырь. После своего возвращения в Главное Войско, донцы украсили оклад иконы золотом и драгоценными камнями, и отправили её с легкой станицей в Москву, во главе с атаманом Осипом Галактионовым, с просьбой передать икону в Вильно после заключения мира с Польшей. Произошло это в конце ноября, в начале декабря.

Но всё это было потом, а пока, казаки, дав зарок вернуть икону, измотали противника и нанесли калге большой урон в людях, заставив его отступить. Калга увёл свою поредевшую конницу в Крым, а донцы, отягощённые добычей, вернулись, в Черкасский городок: «... а как мы, холопи твои, шли с моря и сидели, государь, в окопе в осаде на степи на Тузлове реке от крымского царевича калги и от многих воинских людей... и милостию Божьею... твоего государева недруга крымского царевича калгу и многих турецких и всяких воинских людей у него побили, а сами, государь, мы, холопи твои до своего Черкасского городка дал Бог сдорово».

Русский посланник в Крыму Яков Якушин, узнав от татар о новых походах донских казаков, сообщал в Москву: «Августа 4-го приезжал к посланникам на стан ближнего человека Сефер-Газы аги язычей Кутлумка... и сказывал: прислан из-под Азова от калги царевича в Крым к царю коньчей с вестью, приходили с Дону донские казаки большим собранием, под новые городки (Каланчинские башни) для пропуска с моря донских казаков, которые были на море, и у калги царевича и у азовского паши с донскими казаки был бой, и на том бою урон ратных людей учинился большой на обе стороны».

«Августа 18-го приезжал к посланникам на стан, едучи из под Азова, Батырша мурза Сулеманов и в разговорах посланникам сказывал: калга царевич и карагея, все которые были с калгою царевичем под Азовом, пришли в Крым вместе с ним Батыршею мурзою, а донские казаки, которые на море, пошли на Дон сухим путем, и у калги царевича и у азовского паши с теми донскими казаки был бой, и у Свиного протоку донские казаки большим боем прошли Дон, а которые донские казаки на том бою взяты, и те казаки в расспросе сказывали: оставили они в стругах на Азовском море 300 челов. и велели итти в Калмиус и дожидаться с Дону к себе выручки».

Сразу же после возвращения в сентябре казаков и русских ратных людей из Миусского похода, в Москву была отправлена легковая станица Фёдора Прокофьева и Клима Якимова, с войсковой отпиской. В ней казаки извещали царя «... о благополучном отступлении русских ратных людей от реки Миуса, где они были окружены Крымцами». В российскую столицу донцы прибыли 26 сентября. При отпуске легкой станицы на Дон, атаману и есаулу, кроме обычного жалованья, были выданы соболя: «... атаману пару в четыре рубли, ясаулу пару в три рубли». Рядовым казакам было велено выдать по соболю ценою в один рубль. Впоследствии, 14 октября, царь указал вместо соболей выдать рядовым казакам по одному рублю деньгами.

В сентябре 1662 г., сразу после отправки в Москву легкой станицы Монтя Пушкина, 120 отчаянных казаков, степью пошли к затопленным в июле в Миусском устье стругам. Подняли три из них и тотчас устремились к крымским берегам. Неподалеку от Кафы, казаки перехватили два турецких корабля, с грузом зерна и 100 янычарами, плывшими на замену части турок в Каланчинских башнях. Турки, столкнувшись с казачьим стругами, опешили, ни как, не ожидая с ними встретиться, так как ни каких сведений о выходе казаков в море не было.

Донцы же, сцепившись с вражескими кораблями, взяли их на abordаж, убив при этом 40 турок и взяв в плен 60. Довольные столь богатой добычей, казаки возвратились на Дон: «... послали из Миуса (Кальмиуса) речки Войском на море на крымскую сторону три струга, а в стругу по 40 человек казаков, и на море де блиско Кафы сошлись с ними два корабля с хлебом, а шли с крымской стороны в Азов, да на тех же кораблях со 100 воинских людей янычан, а шли они по обмену к башням; и милостию де Божию... те два корабля взяли и на тех кораблях турецких людей янычан живых взяли 60 человек, а достальных побили».

11 октября 1662 г. Войско Донское отправляет в Москву легковую станицу, во главе с атаманом Терентием Павловым. Казаки везли в Москву войсковую отписку, в которой сообщали о своём походе совместно с русскими ратными людьми воеводы Якова Хитрово под Каланчинские башни, состоявшемся 14 сентября. Казаки и россияне погромили турецкие и татарские заставы, взяв при этом в плен одного турка, отосланного впоследствии, с легкой станицей. А также описывали прорыв своего флота через Казачий ерик и морской поиск.

В ответ на войсковую отписку, от 11 октября 1662 года, Алексей Михайлович, отправляет 18 ноября, свою грамоту на Дон: «... с изъявлением похвалы казакам за поход под Каланчинские башни и доставление пленного турчанина; о продолжении действий против Крымского ханства с воеводою Яковом Хитрово и о доставлении сведений с лёгкими станицами».

16 октября 1662 года Алексей Михайлович отправляет Войску Донскому благодарственную грамоту за военные действия против крымцов:

«... Сентября в 26 день писали к нам, великому государю, вы, атаманы и казаки, с станичники своими с атаманом с Федотом Прокофьевым с товарищи, что посылали с воеводою с Яковом Хитрово и с нашими великого государя ратными людьми донских атаманов и казаков на крымские улусы войною, и милостью Божиею и нашим великого государя и наших государских чад благоверного царевича и великого князя Алексея Михайловича и благоверного царевича и великого князя Феодора Алексеевича счастьем, крымские улусы Керчь с уездом разорили и ясырь многой поймали и наших великого государя взятых пленных людей многих из плену освободили; да с теми же своими станичники прислали к нам, великому государю, в языках двух человек татар, и мы, великий государь, наше царское величество, за вашу службу жалуем вас – милостиво похваляем». Алексей Михайлович призывал казаков и впредь верно ему служить, и отправлять легкие станицы с вестями в Москву.

25 октября царь указал думным дьякам, Семёну Заборовскому, Василию Брехову и Афанасию Зыкову, отправить бывшего в Москве донского казака Андрея Шумейко и Антона Байбина из Посольского приказа в Разряд, в качестве мастеров «... для судового дела Донских стругов». Так как в России ощущался острый дефицит корабелов, способных строить морские струги.

1 ноября в Москву прибыл отпущенный с Дона Алексей Окороков, привезший с собой войсковую отписку. В ней казаки извещали государя о получении ими жалованья с прибавкой в 2000 рублей, выражали свою благодарность и обещали служить верой и правдой: «И мы ради, холопи твои, за тебя праведного и великого государя, и за твою государскую великую милость головами своими помирать, и служить, и радеть во всём тебе, великому государю».

Донцы писали, полученный хлебный запас с украинских городов, кроме Воронежа, «сходится сполна», «... а с Воронежа, государь, города хлебные запасы, твоё государево жалованье, против иных украинных городов мерою скудно гораздно, и мерою против иных городов чет-

верти не сошлись». А также сообщали Алексею Михайловичу, русские полки князя Каспулата Черкасского и дворянина Замятни Леонтьева, обещанные им, к 5 августа, времени отпуска О कोरोкова, на Дон не пришли.

3 Ноября 1562 года в Астрахань прибыл воевода Григорий Плещеев, посланный Иваном 4 для оказания помощи князю Темрюку. В его распоряжении было 500 стрельцов и 500 донских казаков, призванных на помощь. В это время сам князь Темрюк с сыном Домануком был в городе. Соединившись с россиянами, они выступили в поход.

27 ноября в Москву прибыла зимовая станица атамана Семёна Ванина (Фёдорова) и есаула Парфёна Еремеева с войсковой отпиской и челобитной о пожаловании Войску жалования. Текст самой отписки не сохранился. Войсковая же челобитная была рассмотрена Алексеем Михайловичем 21 декабря 1662 г. Казаки в ней писали, что кроме жалования, им рассчитывать больше не на что, и просили государя их пожаловать: «А ныне де им, опричь ево, великого государя жалованья, ничего взяти негде, потому что Крымский хан реку Дон укрепил, и ходить им для промыслов в море нельзя. А которые де торговые люди приезжают к ним из ево государевых украинских городов з запасы, и те де торговые люди запас на Дону продают дороною ценою на медные деньги против серебряных денег вдесятеро». В результате царь указал: «... послать своё государево жалованье на Дон к Донским атаманом и казаком, денег десеть тысяч рублёв, против прошлого 170 году, а сукон, и пороху, и свинцу, и хлебных всяких запасов против отпуску 169 го и 170 году». 31 декабря это распоряжение было отправлено в Разряд, дьяку Заборовскому.

12 декабря в Москву прибыла легковая станица атамана Дмитрия Свищёва с войсковой челобитной о защите угодий Черниева монастыря от захватов со стороны дворцовых крестьян: «... А ныне, государь, то твоё царское богомолье, а наше войсковое строенье стало без остатку розорено от твоих государевых крестьян села Сюпы, от Обрамки Мурзина с товарыщи».

16 декабря в Москву прибыла легковая станица атамана Осипа Галактионова и есаула Сидора Дорофеева с войсковой отпиской. В ней казаки извещали Алексея Михайловича о своём осадном сидении на реке Тузлов и боях крымцами:

«...Да в прошлом, государь, в 170 году, как мы, холопы твои, шли с моря и сидели, государь, в окопе в осаде на степи, на Тузлове речке от крымского царевича калги и от многих воинских людей... и милостью Божиею и помощью Пресвятые наша Богородицы Одигитрие и всех святых молитвами и помощью и твоим государевым счастьем, твоего государского недруга крымского царевича калгу и многих турских и всяких воинских людей у него побиили, а сами, государь, мы, холопы твои, из осады отошли до своего Черкасского городка дал Бог здорово».

Кроме этого, в войсковой отписке, атаман Осип Петров, от имени Войска Донского, излагал историю шестилетней давности, когда донские казаки, будучи на государственной службе в Литве, захватили в Вильне, в качестве трофеев «... в судне на реке Вилее образ Пречистые Богородицы Одегитрие и животворящий крест, и евангелие, и книги привезли».

Из Войсковой отписки: «...Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу, холопы твои, донские атаманы и казаки, Осип Петров и все войско Донское челом бьют. В прошлом, великий государь, в 164 (1656) году, как был подвиг твой государев на польского короля войною, и в том, государь, году наши донские казаки взяли под Вильною, на реке Вилие, образ Пречистой Богородицы Одигитрии и животворящий крест и евангелие и книги, и те, государь, чудотворную икону образ Пречистой Богородицы Одигитрии и крест животворящий и евангелие и книги привезли из под Вильны наши донские казаки к нам, холопам твоим, на Дон в войско, и по благословению, государь, великого господина святейшего Никона, патриарха московского и всея Руси, а по нашему, холопов твоих, войсковому обещанью и челобитью построена у нас, холопов твоих, на Дону церковь во имя ее Пречистой Богородицы Одигитрии, и в прошлых, государь, в 169 и 170 годах от тое чудотворные иконы многим людям явление было, чтоб образ ее Пре-

чистой Богородицы Одигитрии нам, холопам твоим, поставить по-прежнему в Вильне; а кому, государь, та чудотворная икона многим людям явилась, и мы, холопы твои, тем людям многожды не веровали, да в прошлом, государь, в 170 году, как мы, холопы твои, шли с моря и сидели, государь, в окопе, в осаде на степи, на Тузлове речке от крымского царевича калги и от многих воинских людей, и в то, государь, осадное время, та чудотворная икона Пречистой Богородицы Одигитрии многим же людям явилась, чтобы нам, холопам твоим, поставить ее, чудотворную икону, на старом месте по-прежнему в Вильне, а будет де мы, холопы твои, образ ее чудотворные иконы по-прежнему в Вильне не поставим и нам де милости Божией и помощи нигде не будет, и как, государь, мы, холопы твои, сидели от крымского царевича калги и от многих воинских людей в осаде в окопе, обещались ее, чудотворную икону, образ чудотворный Одигитрии поставить нам по-прежнему в Вильне, и после, государь, того нашего обещания, милостью Божиею и помощью ее пречистой нашей Богородицы Одигитрии и всех святых молитвами и твоим государским счастьем, твоего государева недруга крымского царевича калгу и многих турецких и всяких воинских людей у него побиили, а сами, государь, мы, холопы твои, из осады отошли до своего Черкасского городка дал Бог здорово; а как, государь, мы, холопы твои, пришли к себе из осады в Черкасской городок, и та ж, государь, чудотворная икона, образ Пречистой Богородицы Одигитрии явилась же нашему донскому казаку Ивану Стародубцу, чтоб, государь, нам, холопам твоим, ее, чудотворную икону, поставить по-прежнему в Вильне, а будет де мы, холопы твои, по обещанию своему ее, чудотворную икону, не поставим в Вильне по-прежнему и какова де войску была нужда в осаде, и есть ли будем не совершать обещания своего, и еще де будет нужнее тово, и мы, холопы твои, по тому, государь, ее явлению и по нашему войсковому обещанию ее, чудотворную икону, образ Пречистой Богородицы Одигитрии, украся и с великою честью отпустили мы, холопы твои, к тебе, великому государю, к Москву, а с нею, Пречистою Богородицею, послали мы из войска священника Матфея да дьякона Григория для того, государь, чтоб во всю дорогу до Москвы по нашему обещанию пред образом Пречистой Богородицы Одигитрии была вседневная служба; да и с тою ж Богородицею отпустили мы, холопы твои, войском станичников своих атамана Осипа Галактионова, Максима Максимова».

Согласно отписке, в 1661 – 1662 г. многим казакам было явление образа Богородицы Одигитрии, которая тем казакам велела свою икону вернуть в Вильну. Однако тогда, тем казакам не поверили. Всё изменилось летом этого года, когда казаки, шедшие в Войско от Миуса сухим путём, были перехвачены крымским калгой и сидели в осаде. Тогда образ Богородицы явился сразу многим казакам, с требованием «... поставить Её чудотворную икону на старом же месте по-прежнему, в Вильне. А будет де мы, холопы твои, образа Её чудотворные иконы по-прежнему в Вильне не поставим, и вам де милости Божии и помощи нигде не будет». Казаки дали обет вернуть икону в Вильно, после чего разгромили осаждавших их крымцов.

По возвращению в Черкасск, образ Богородицы вновь явился казаку Ивану Стародубцу, с требованием вернуть икону в Вильну: «... а будет де мы, холопы твои, по обещанию своему Её чудотворную икону не поставим в Вильне по прежнему, и каково де Войску было нужно в осаде, ... и ещё будет нужнее тово». Это произвело на казаков сильное впечатление и в Кругу они решили, украсив икону золотом и драгоценными камнями, отправить её с легковой станицей в Москву, для дальнейшей передачи её в Вильно. Икону сопровождали священник Матвей и дьякон Григорий.

Однако казаки не ограничились отправкой в Москву одной иконы, а отправили всю церковную утварь, захваченную ими в Вильно. В списке, прилагаемом к войсковой отписке, значились: 4 больших золотых и 31 малое блюдо, золотой крест, 3 серебряных перстня, серьга с камнями, 3 шёлковых убруса, 4 пелены из дорогих тканей, 5 плащаниц, 2 евангелия, серебряный животворящий крест, 2 серебряных кадила.

Рассмотрев войсковую отписку, Алексей Михайлович 17 декабря указал окольному Монастырскому приказу Ивану Большому – Стрешневу, передать икону Богородицы Одигитрии и всю церковную утварь на хранение в Симонов монастырь, до тех пор, пока не будет заключён мир с поляками.

Но пути в Москву, казаки легкой станицы атамана Галактионова, на Стрелецком мосту реки Мечи, 5 декабря, подверглись нападению драгун. Прибыв в Ефремов, атаман Галактионов в съезжей избе бил государю челом, требуя от воеводы Льва Кошелева произвести сыск и наказать виновных. При расспросе стрельцов Григория Которнева и Антипа Ширяева, бывших свидетелями драки, выяснилось: «Как де у Ефремовских драгунов з Донскими казаки бой был, и мы де на крик вышли; и на том де бое знаком драгунов видели: Оську Мошкова да Ондрюшку Бабенкова; а иных де ане не розсмотрели». Воевода велел тех драгун посадить в тюрьму, до государева указа.

1663 год

14 января 1663 года Алексей Михайлович указал отпустить на Дон легковую станицу атамана Осипа Галактионова, оставив в Москве есаула Дорофеева и двух казаков из Станицы Атамана Ванина: «Да и с тех же станичников по памяти из Розряду ясаул Сидор Дорофеев да Семёновы станицы Ванина казаки Микита Яковлев да Исай Филиппов отосланы в Разряд для стругового дела».

19 января Алексей Михайлович отправляет на Дон, Войску Донскому, грамоту о принятии иконы Богоматери, присланной Войском с атаманом Галактионовым, для возвращения её в Вильну. Казаки извещались о временном помещении иконы в монастырь, до тех пор, пока не будет заключён мир с польским королём Яном Казимиром.

Тем временем в Москву прибывает зимовая станица во главе с войсковым атаманом Корнилой Яковлевым. Из расспросных речей атамана Корнея Яковлева, приехавшего в Москву 20 января 1663 года: «... А как де они пошли из войска и при них нынешние осени, после отпуску станичников их, которые присланы перед ними к в. государю, посылали из Миуса речки войском на море на крымскую сторону три струга, а в стругу по 40 человек казаков, и на море де близко Кафы сошлись с ними два корабля с хлебом, а шли они с крымской стороны в Азов, да на тех же кораблях было со 100 человек воинских людей янычан, а шли они на обмену к башням, и милостью Божиею <...> те два корабля взяли, и на тех кораблях турецких людей янычан живых взяли 60 человек, а достальных побили».

Войсковая челобитная по поводу Черниевского монастыря, была рассмотрена царём 30 января. И в монастырь была отослана государева грамота, с легковой станицей атамана Свищёва. В ней государь запрещал дворцовым крестьянам покушаться на монастырские угодья.

Предположительно, в январе 1663 года Войско Донское отправило в Москву легковую станицу атамана Тимофея Павлова, с войсковой отпиской о донских делах и сведения, полученные от языков о планах крымского хана и ногайских мурз.

5 февраля Алексей Михайлович велел отправить «Память» в Пушкарский и Казённый приказ, боярину Ромодановскому, думному дворянину Баклановскому, и дьякам Горохову и Панкратьеву, о посылке на Дон зелья и свинца, а также сукон, в жалованье Войску Донскому.

В связи с введением в оборот большого количества медных денег, они резко обесценились, и в стране началась инфляция и резкое подорожание продовольствия и товаров. Что отразилось и на казаках, бывших в Москве. И 5 февраля атаман Ванин и казаки его станицы, били челом царю, прося прибавки жалованья на подённый корм, в виду дороговизны припасов в Москве: «И нам, холопом твоим, тем твоим государевым жалованьем прокормитца нечем, а живучи на Москве, испродали ружьё и платье и испроелись, а того твоего государева жалованья не станет нам, холопом твоим, и на половину месяца, потому что хлеб и всякий харч дороги».

6 февраля 1663 года Алексей Михайлович рассмотрев челобитную, отправил «память» в приказ Большого Прихода, окольничему Родиону Стрешневу, о выдаче казакам и бывшему с ними священнику Матвею денег в увеличенном размере: «... атаманом и попу по осьми алтын по две деньги, ясоулом по две гривны, казаком по шти алтын человеку на день».

Атаман Тимофей Разин в феврале 1663 года, совместно с запорожскими казаками и отрядом калмыков под командой тайшей Шогаша Мерген и Шербет Бакши (всего 550 человек) предпринял набег к Перекопу. Где разгромил у Молочных вод отряд крымцов во главе с СафарКазы-агой. На обратном пути казаки и калмыки С. Разина встретились с татарским отрядом наголову его разгромили.

5 марта было решено отправить на Дон с государевым жалованьем, воронежского дворянина Леонтия Павлова. Вместе с ним, в Войско, должны были отплыть и казачьи станицы атаманов Семёна Ванина и Тимофея Павлова, общим числом 30 человек. В выданной Леонтию Павлову «наказной памяти», особо отмечалось, чтобы хлебные запасы он отпускал донцам по мере, а не по весу, якобы из-за того, что они неправильно показывали вес: «А отдавати ему хлебные запасы великого государя в меру, в какову он, Левонтий, с станичники их, с атаманы, с Семёном и с Тимофеем принимал на Воронеже у воеводы, а не в вес, в который они, атаманы и казаки, в свой контарь наперёд сего у Алексея Окорачова на Дону принимали, и с тем своим весом за указанным числом на нём, Алексее, сильно лишнего запаса взяли немало».

Войско о посылке на Дон государева жалованья, было извещено грамотой от 18 марта. В ней царь призывал казаков «... нам, великому государю, служить и всякого добра хотети, а у нас, великого государя, служба ваша и раденье и вперёд забвенна не будет». После отбытия двух казачьих станиц в Воронеж, в Москве остался священник Матвей с двумя казаками, ожидая, когда будет написана икона Пресвятой Богородицы Одигитрии.

5 апреля Алексей Михайлович отправил на Дон грамоту, в которой донским атаманам и казакам было указано «... по вестем велено им атаманом и казаком ссылатца с калмыцкими тайшами с Солом Серенем да Бок мурзою по часту, и их наговаривать, чтоб они на Дону с ними кочевали поблиску... А будет крымский хан на них или на украинные и черкасские города выступит войною или ково татар пошлёт, и турские люди при нём будут же, и им казаком велено Великого Государя с воеводы и с ратными людьми, которые ныне у них на Дону, так же сослався, и з воеводою з Григорьем Касаговым и с кашевым гетманом с Ываном Сериком и с запорожскими черкасы, которые Великому Государю верны».

9 апреля 1663 года Алексей Михайлович указал стряпчему Григорию Косогову ехать с московскими ратными людьми и донскими казаками в Запорожье, для отражения набегов крымцев и ногаев.

3 мая 1663 года, Войско Донское отправило в Москву легковую станицу во главе с атаманом Яковом Гавриловым с войсковой отпиской. В которой казаки сообщали о походе с русскими ратными людьми к Азову для взятия языков. Более подробно об этом можно узнать из государевой грамоты на Дон от 1663 года июня 21 дня: «... В нынешнем во 171 году мая в 3 день писали к нам, великому государю, вы, атаманы и казаки, с станичники своими с атаманом с Яковом Гавриловым с товарищи, что ходили с нашими, великого государя, с ратными людьми к Азову для языков и подлинных вестей от вас с Дону донские казаки, и те ваши донские казаки под Азовом взяли двух человек татар, а в расспросе вам те языки сказали, что крымской хан хочет итти сего лета к вам на Дон полем коньми, а морем каторгами и на устье Миуса реки и на казачьем ерике ставить новые крепости, и вас, атаманов и казаков, с реки с Дону сбить, чтоб с реки с Дону вас на море теми месты не пропустить».

Тем временем 15 мая обнаружилась кража 4 пудов свинца из государева жалованья. У ямщика Переславской слободы Григория, при сдаче свинца, оно не оказалось: «... и он при всех винился в том свинце, а сказавал, что бутта выранил, неведама где. Дворянин Павлов, забрав у него и его товарища лошадей, потребовал свинец сыскать. Однако те сбежали: «И те, государь, емщики, Гришка с товарищи, учинили воровски, покрав лошади збежали». При расспросе других ямщиков выяснилось, «... что они покинули тот свинец переехав Аку (Оку) реку. А то всё слышал Тульской емщик Андрей Карпов».

В мае 1663 года Войско Донское отправило в Москву легковую станицу атамана Якова Веновитина, с войсковой отпиской о донских делах и сведения, полученные от языков о планах крымского хана и ногайских мурз.

Постройка турками на Дону и Мёртвом Донце крепостей, не принесла им тех выгод, на которые те рассчитывали. Казаки по прежнему прорывались в чёрное море из Миуса или Казачьего ерика, и грабили приморские города и селения турок и татар.

Так весной 1663 года казачий флот снова сумел прорваться в море, где захватил несколько торговых кораблей турок и разорили несколько селений на крымском побережье. Но сведений об этом походе практически нет.

Одновременно с этим к Перекопу совершил набег союзники донских казаков – калмыки. Взяв полон, калмыки жгли хлеба на полях и отгоняли скот. Обеспокоенный этим, крымский хан лично возглавил поход против союзников донских казаков. Однако он закончился разгромом лагеря крымцев. Внезапно напав на татар, казаки обратили тех в бегство, едва не захватив в плен крымского хана. В качестве добычи, калмыкам достался брошенный лагерь неприятеля, 200 пленных татар и несколько тысяч голов лошадей и крупного рогатого скота.

Это событие отражено в «Дела крымские», в статейном списке бывших в Крыму посланников Якушкина и подьячего Михайлова в 1663, 1665 г.: «... Июня в 5 день (1663) посылали посланника толмача Никона Инанарина в село Даир к перекопскому карамбею для договору о полоняннике о князе Иване Львове да и о Микифоре Кологрилове, и приехав на стан, посланникам сказал: сказывал ему, Никону, карамбей Кочья Шагин: приходили де под Перекоп калмыков 400 человек, царевы и нурадыновы шатры сбили и многих татар на бою побили и взяли на бою крымского мурзу, а царя и нурадына царевича отстреляли, сваясь с лошадей, пеши семени, а только б не семени, и царя б калмыки взяли, а за Перекопью взяли на жниве и на сенокосе татар человек с 200 и стада многие конские и животные отогнали, а у калмыков на бою взяли одного человека».

Тем временем, между Россией и Крымским ханством продолжались вести переговоры о мире. Которые продолжались и в 1662 и в 1663 годах. Однако чрез неумеренные требования крымского хана мир не был заключен. Хан требовал, чтобы российские границы со стороны Польши остались те же, какие были при царе Михаиле Феодоровиче, чтобы отказаться от завоеванных у Польши провинций и не вступаться за запорожских черкас; чтобы свести с Дону российские войска и унять казаков от нападений на турецкие и крымские владения:

«Вы всегда отговариваетесь, что казаки донские воры, повеления вашего не слушают и что сил ваших не достаёт содержать их в границах повиновения; как между тем по вашему же повелению приготовлено на Дону 500 стругов для завоевания нашего государства; но мы силы твоей не боимся и велели противостать им 15 тыс. войск; ты называешь себя обладателем обширных земель и повелителем многочисленного войска, надеешься на множество, но мы уповаем на Бога и станем по возможности противиться».

Эти переговоры с крымским ханом замечательны тем, что царь Алексей Михайлович в первые стал оправдывать донских казаков. До сих пор ни чего подобного в переговорах с турецким султаном и крымским ханом не было. Царь по обыкновению называл донцов дерзкими ослушниками и всегда предоставлял туркам и татарам, за разорения, причиняемые казаками их областям, поступать с ними по их собственному произволу.

«... войска посланы на Дон и струги не для нападения на крымские области, но единственно для защиты границ своего государства; не ты ли в прошлом 1659 г., нарушив мирные постановления, вторгнулся в российские пределы и разорил множество городов и сел, и когда после сих опустошений возвращался с пленом в свои пределы, не ты ли писал ко мне, что не только не прекратишь своих набегов на границы наши, но даже похвалялся достигнуть Москвы и ею овладеть; после сих неприязненных со стороны твоей действий неужели не защищать мне своих границ вооруженною рукой. Впрочем, для соблюдения тишины на границах мы повелели воеводам нашим и донским казакам не делать нападений на крымцев и азовцев, если только со стороны их прекратятся набег. До сего времени на Дону было тихо и спокойно; но когда по повелению твоему были поставлены на Дону крепости, тогда азовцы непрерывными набегам начали утеснять донских казаков и российские войска, которые для защиты своей принуждены были давать им отпор и преследовать их в построенных крепостях; тебе

известно, что донские казаки живут на Дону издревле и на устьях оною никогда со стороны вашей крепостей не было, то почему же не защищать им свои пределы»

13 июля воронежский воевода Фома Кривцов отпустил на Дон суда с государевым жалованьем, сопровождаемым дворянином Леонтием Павловым и казачьими станицами атаманов Семёна Ванина и Тимофея Павлова. Задержка с отправкой жалованья произошла из-за того, что Иван Романчуков, занимавшийся строительством стругом и дощаников, «... прислал под твоего великого государя денежную, и зелейную, и свинцовую казну, и под хлебные запасы, и под Донских станичников струги морские не все вместе, а достальными стругами замешкал».

На Дон, Войску Донскому, Алексей Михайлович, вместе со своим жалованьем прислал казакам благодарственную грамоту, в которой хвалил их за отвлечение больших сил турок и татар с украинского театра боевых действий. Кроме этого он просил Войско выделить казаков, хорошо знавших окрестности Перекопа, для сопровождения войск стряпчего Косогова, идущих в Сечь, для соединения с кошевым атаманом Иваном Сирко, для оказания ему помощи в войне с крымскими татарами. Казаки, с одобрением выслушав государеву грамоту, выделили для сопровождения воеводы Косогова отряд казаков и отправили его навстречу русским полкам.

26 сентября 1663 г. Войско Донское отправило в Москву легковую станицу атамана Федота Прокофьева, с войсковой отпиской. В ней казаки сообщали государю о совместном морском походе с русскими ратными людьми воеводы Якова Хитрово под крымские улусы. Где казаки разорили и предали огню Керчь и окрестные селения, взяв большое количество ясыря и освободив многих русских пленников. Двух пленных татар, казаки отправили в Москву с легковой станицей атамана Ф. Прокофьева для расспросов.

Алексей Михайлович, получив казачью отписку от 26 сентября, 16 октября отправляет на Дон благодарственную грамоту за поход казаков на Крым и присылку языков. Грамота была отправлена на Дон с легковой станицей атамана Ф. Прокофьева.

Соединившись в Запорожский Сечи с казачьими полками атамана Сирко, русские войска 11 октября двинулись к Перекопу. Появившись неожиданно для татар, они после ожесточённого боя ели взяли большой каменный город. Но малого города солдаты и казаки взять не смогли, отбитые сильным огнём. В это время к татарам подошли большие силы конницы и русские полки, и казаки были вынуждены отступить, предав большой город огню. Преследуемые по пятам многочисленной конницей крымского хана, казаки и россияне, отходили с боем. Прикрываясь обозными телегами, они отражали неприятеля пушечными ружейным огнём и сумели нанести татарам большие потери. Все попытки степняков рассечь отступающую колону, провалились. Видя тщетность своих усилий, татары отступили, понеся потери.

Тем временем, 5 ноября 1643 г. Алексей Михайлович отправил на Дон, Войску Донскому грамоту с призывом воевать крымские владения, соединившись с полками воеводы Григория Косогова, калмыками и верными Москве, левобережными запорожскими казаками. Казаки, не столько исполняя волю царя, сколько надеясь взять богатую добычу, соединившись со своими союзниками, совершили опустошительный набег под Перекоп. Крымский хан должен был отправить туда дополнительные войска, тем самым, ослабляя своё давление как на Правобережную, так и на Левобережную Украину, где шла перманентная гражданская война.

«... велено вам, атаманом и казаком, по совету с нашими Великого Государя воеводы с ратными людьми, которые с вами на Дону ссылаясь с калмыцкими людьми, которые ныне кочуют на крымской стороне, и з запорожскими черкасы, ссылаясь над Крымом и над крымскими улусы промыслять... чтоб вашим над Крымом промыслом крымского хана злым замыслом помешку учинить и до наших Великого Государя Малые России и украинских городов войною не допустить».

Отойдя в Сечь воевода Косогов, расположил свои войска на отдых, ожидая подхода союзных калмыков. Вскоре они подошли и после непродолжительного отдыха, 6 декабря 1663 г.

русские полки, донские казаки, запорожцы и калмыки, вновь двинулись к Перекопу, чтобы помешать крымскому хану соединиться с польским королём, для совместных действий против России. Подойдя к Перекопу, объединённое войско стало безнаказанно жечь и истреблять татарские улусы в «кутах» близ Чёрного моря, где отгромили более 100 человек русского полона и отогнали многочисленные стада скота.

11 декабря к погромленным мурзам из-за Перекопа пришло многотысячное войско крымцов, атаковавшее казаков и калмыков. Отразив первый натиск, они отошли в укреплённый лагерь в двух верстах у реки Каланчик, где сели в осаду. Нанеся осаждавшим их татарам большой урон, россияне, казаки и калмыки ударили сами и «учинили бой», «... перекопскую орду побили, и рубили татар до самой Перекопи, живых брать калмыки не давали, в руках кололи». Этот факт отказа калмыками брать пленных, говорит о том ожесточении, с каким велась война с их стороны.

Это событие отражено в статейном списке русских посланников в Крыму Якушкина и подьячего Михайлова: «... Декабря в 18 день того ж (1663) года ходил в Бакчисарай молодой подьячий Макар Дьяков для хлебные покупки, и пришед на стан, посланникам сказал: сказывал ему, Макару, в Бакчисараях полоняник касимовской татарин Ишелей, приехали в Бакчисарай из Перекопи от Карам-бея с вестью татарова, приходили к Перекопи калмыки с донскими казаками, конные и животные стада отогнали, а перекопский бей Карам ходил за теми калмыки и за донскими казаки с ратными людьми, а ратных людей было с ними с 500 человек, и у Карам с калмыки и с казаки бой был, и с того бою Карам прибежал в Перекоп не с большими людьми, и ратных людей на том бою пропало с 400 человек».

1664 год

В 1664 году, в связи с активизацией боевых действий на Украине, Алексей Михайлович отправляет на Дон грамоту, в которой настоятельно предлагал донцам идти на помощь запорожским черкасам, оставляя у Главного войска воеводу Хвостова с московскими ратными людьми. Казаки, сойдясь в Круг, откликнулись на призыв царя и отправили большой отряд конных бойцов. Донские казаки особо отличились в Пироговской битве на Десне. Они неоднократно атаковали крымских татар и в конце концов заставили их покинуть польского короля Яна Казимира. Разбитые поляки начали спешное отступление в земли Белой Руси. Но у Мглина поляков настиг русский воевода Яков Черкасский, русскими полками и донскими казаками. Здесь поляки были снова разбиты.

Разгромив татар, стольник Косогов и донские казаки двинулись на соединение с русскими войсками на Украину. Где события для поляков и союзных им татар развивались неблагоприятно. После неудачной осады Глухова польская армия, в которой было много западноевропейских наёмников, направилась в сторону Новгорода-Северского. Крымские татары из-за нападений на их владения царских войск и донских казаков под предводительством Григория Косога, а также запорожских казаков кошевого атамана Иван Серко, спешно покинуть короля. 10 февраля 1664 года польская армия начала переправу по тонкому льду на правый берег Десны. На следующий день, когда половина подразделений находилась ещё на левом берегу, по ним неожиданно ударило русское войско князя Григория Ромодановского и 4 казачьих полка левобережного гетмана Ивана Брюховецкого. В открытом сражении погибло больше 1000 поляков, русские и казаки захватили обоз и артиллерию.

Стольник Косогов в своей отписке Алексею Михайловичу доносил: «... В нынешнем, государь, в 1664 году, февраля 3 день, кошевой Иван Серко с запорожскими казаками пошёл к Днестру для добывания языков, а я, холоп твой, послал с ним рейтар и донских казаков 30 человек. И марта, государь, 22 день кошевой Иван Серко писал к наказному кошевому Пилипчате и по своему Запорожскому войску, и ко мне, холопу твоему: его-де Ивановой верною службою, заднепровские города поддались под твою Великого государя руку, только де один город Чигирин, тебе Великому государю не поддался».

По словам казачьей летописи Самовидца а также летописца Григория Грабянки, если бы к битве подоспели другие русские соединения (к примеру, войско князя Якова Черкасского из Брянска или князя Григория Куракина из Путивля), то польская армия была бы разгромлена полностью и едва король смог бы спастись.

В апреле 1664 года запорожцы кошевого атамана Сирко, отряд стольника Косога и донских казаков, (85 драгун, 120 солдат и 270 казаков), действует против поляков во главе со знаменитым полководцем Стефаном Чарнецким. 7 апреля у города Бужина 2000 поляков Чарнецкого атаковали русские войск и казаков, между ними произошел жестокий бой. Поляки были с уроном отбиты, но атаман Сирко вынужден был отойти в степь. Чарнецкий разграбил Бужин и Субботово – родовую усадьбу Богдана Хмельницкого. Кости великого Богдана и его сына Тимофея были выкопаны из могилы и сожжены. Вскоре полки атамана Сирко и стольника Косога были осажены войсками Чарнецкого и Тетери в городе Смеле, сумели нанести большой урон осаждавшим, но вынуждены были вернуться в Каменку.

В апрельской отписке в Москву, казаки, кроме всего прочего, жаловались Алексею Михайловичу на понесённые Войском Донским расходы по приёму и «прокормлению» на Дону русских послов и посланцев: «А приезжают к нам, холопам твоим, из Запорог, и из Калмык посланцы для твоих государевых дел и совету, и мы им честь всякую воздаём, и на дорогу запас им всякой даём же».

В этом году казаки, как и прежде с суши и моря воевали Крым и азовские предместья. Часть донских казаков ещё с прошлого года находилась в Запорожской Сечи, вместе с воеводой Косоговым, постоянно тревожа перекопских татар опустошительными набегами. Но между казаками, и царским воеводой начались размолвки и трения, грозящий перейти в открытый разрыв.

Тем временем война между Россией и Польшей становилась всё ожесточённой. По словам историка Ключевского, «Москва и Польша казалось, были готовы выпить друг у друга последние капли крови». Алексей Михайлович, испытывая острый недостаток в хорошо обученных и подготовленных войсках, в своей грамоте на Дон просил Войско Донское и атамана Яковлева, помочь ему в войне с поляками, казачьими полками. Круг, выслушав государеву грамоту, согласился отправить весной 1665 г. казаков на помощь царским воеводам.

С другой стороны, бояре, дворяне и дети боярские, требовали срочных мер по сыску и возврату беглых крестьян, а воеводы украинских городов, жаловались на массовое бегство на Дон служилых и посадских людей. В результате этого правительство оказалось в сложном положении. С одной стороны, правительству были нужны боеспособные казачьи полки, с другой стороны страдали интересы служилого дворянского сословия. В результате Алексей Михайлович, всё же решил усилить розыск и велел своим указом «имать» беглых из находящихся в России казачьих отрядов.

Так в мае 1664 г. в Москву прибыл казачий отряд атамана Кондрата Михайлова. Донцы подали челобитную в Разрядный приказ, для зачисления их на службу. В начале июня челобитная была удовлетворена, и их было велено отправить в полк воеводы И. А. Хованского. Казакам было выплачено жалованье «... против их братьи донских казаков»: атаману 10 руб., есаулу 9 руб., рядовому казаку по 8 руб. Но в день выдачи жалованья, 9 июня, группа дворян опознала среди казаков беглого человека: «... учеш у тех казаков иматца за беглого человека». Однако казаки отказались его выдать и набросились на дворян: «... бросаюсь на них многолюдством, учати их бить и беглого человека у них отымать». Но дворяне успели увести беглого в разрядную избу, где драка продолжилась. На шум прибежали караульные стрельцы «... изымав ис тех казаков человек с пятнадцать» и отвели их в Стрелецкий приказ. Действия казаков власти расценили как «воровство» и бунт.

В результате проведённого сыска, беглого холопа было велено вернуть хозяину. Главному возмутителю спокойствия, казаку Емельянову, велено «отсечь два перста» (пальца); «трёх человек пущих заводчиков», в присутствии других казаков, у Разряда «... бить кнутом на козле нещадно. После этой экзекуции, всех четверых сослать «на вечное житьё» в Сибирь. Остальных 14 казаков, было велено отдать атаману, а всех приставших по дороге в Москву к донцам беглых, выдать служилым людям. Таковых оказалось 10 человек из 100.

Этим беглым человеком оказался Василий Спиридонов, кабальный человек дворянина Льва Исакова. Согласно челобитной последнего, тот бежал от него два года назад, прихватив с собой, а лошадей и денег, ружья и платья и всякой служилой рухледи снёс на двести рублёв». В этом же, 1664 году, Спиридонов придя в дом дворянина, вновь обокрал его, обесчестил жену и подговаривал крестьян и дворовых людей уйти с ним.

8 июня Алексей Михайлович указал отправить всех казаков их на службу в полк князя Ивана Хованского, и пожаловать их деньгами. Однако, в связи с тем, что казаки попытались отбить в Приказе Василия Спиридонова, их жалованье было уменьшено. Атаману было указано выдать семь рублей, есаулу шесть рублей и казакам по 5 рублей.

В июне 1664 года, войско, по просьбе Алексея Михайловича отправило в Россию ещё один казачий отряд в 387 человек, вышедший в Тулу для участия в военных действиях против Речи Посполитой. Возглавлял его атаман Василий Ус, в будущем, один из сподвижников Степана Разина.

Известно ещё о двух донских казачьих атаманах: Василии Леонтьеве и Григории Петрове. Согласно столбцам Белгородского стола, отряд атамана Леонтьева находился «во псковском порубежном пригороде» Опочке в обстановке «безпрестанных» боев с «полскими и литовскими людьми». Отряд атамана Петрова, согласно столбцам Новгородского стола, находившихся на государственной службе на Опочке «третьей год».

12 октября 1664 года, Алексей Михайлович указал князю Борису Репнину отправить донских казаков, прибывших на государственную службу, в полк князя Ивана Хованского под Ржев, выдав им жалованье «... по прежнему нашему Великому Государю указу». Всего на службу было отправлено 197 казаков во главе с атаманом Иваном Болдырем. Однако часть казаков вернулась на Дон, часть отстала из-за болезни и умерло. Всего к Хованскому явилось 169 человек.

Тем временем, бывшие с прошлого года в полку князя Хованского, 150 донских казаков атамана Василия Леонтьева, жаловались царю на выплату им жалованья медными деньгами (по 50 рублей), которые через три дня после выдачи жалованья, были отменены царским указом. В результате чего «И ныне мы, холопи твои, стоим в порубежном городе, помираем голодною смертию, купить нечим и не у ково, все мужики обвоёваны и порублены. М морским козаком, дают твоё государево денежное жалованье и месячный хлеб, а только они служат другой год, а нам, холопом твоим, твоего государева денежного жалованья и хлеба не дают».

Ещё один отряд донских казаков атамана Макара Чекунова, осень 1664 г., атаман. Так же отправил царю челобитную, прося их отпустить на Дон. Так как после ряда ожесточённых боев, согласно челобитной станицы М. Чекунова, из отряда в 200 человек осталось лишь 25, остальных «побили и в полон поимали».

Между тем, в начале августа, произошёл окончательный разрыв между казаками и воеводой Косоговым. Не получив с Дона смены, они самовольно ушли в Главное войско. А воевода жаловался на них царю: «Иные рейтары, солдаты, казаки и черкасы перед походом, и из похода, не дождавшись боя, побежали домой».

Осенью 1664 года из Войска Донского с отрядом казаков в 150 человек, вышел атаман Кузьма Федоров (Курилин). Его отряд входил в более крупное формирование атамана В. Родионова. В этом же году отряды обоих атаманов, вышли на службу. Вскоре атаман К. Федоров просил воеводу князя П. А. Долгорукого отпустить его обратно на Дон, поскольку казаки понесли потери в ряде неудачных боев русских войск с поляками и были «разорены». Из отряда в 500 человек, как сказано в казачьей челобитной, осталось в живых 150 человек, остальные же были «волею Божію побиты». Впрочем, скорее всего, часть казаков самовольно ушла со службы, а отряд К. Фёдорова шел к Москве проселочными дорогами, чтобы его не задержали.

Осенью 1664 г. недавние союзники казаков, калмыки, вторглись в пределы Войска Донского. Большая калмыцкая орда устроила настоящий погром верховых казачьих городков. Так в своей отписке белгородскому воеводе Л. Кобякину, казаки писали, что в октябре «калмыцкие люди, многие казачьи верховые городки «... без остатку разорили и скот отогнали, и отоманов и казаков многих порубили и переранили и жон и детей их в полон поимали». Всего в плен попало несколько сот казаков, их жён и детей. Калмыцкий набег произошёл в то время, когда многие казаки находились в Главном Войске.

Осенью этого года Войско Донское отправило в Москву казачью станицу во главе с Корнилой Яковлевым. О чём писали казаки Алексею Михайловичу, установить не удалось.

17 ноября в Москву пришёл со службы в полку князя Петра Долгорукого, из-под Полоцка, 154 донских казака во главе с атаманом Кузьмой Курилиным (Фёдоровым). Казаки жаловались на то, что полку Долгорукова они жалованья не получали, а в Туле им было выдано всего по 2 рубля. Рассмотрев их челобитную, царь указал выдать им казны приказа Большого прихода по полтине жалованья. 27 ноября, Алексей Михайлович пересмотрел своё решение и указал выдать казакам из приказа Новые чети, ещё по 3 рубля жалованья.

3 декабря 1664 года донские казаки Кузьмы Фёдорова были отпущены на Дон. Царь указал воронежскому воеводе Якову Татищеву пресекать воровство казаков ввремя их пребывания в городе: «А покамест они, на Воронаже будут, и ты б того смотрели берёг накрепко, чтоб оне донские казаки, будучи на Воронеже, гороцким и жилецким и уездным людям никаких обид не делали, и не воровали, ни кого не били и не грабили, а которые учнут каким воровством воровать, и ты б за их воровство наказанье чинил». Особо запрещал царь отпускать с казаками беглых и служилых людей. Хлебного жалованья казакам было велено выдавать по полуосьмине на месяц. А как только Дон вскрыется, отпустить их рекой на Дон.

В 1664 году стареющий, израненный Иван Сирко перебрался на Слободскую Украину, поселившись с женой и двумя дочерьми на Харьковщине, в слободке Артемовке, в двух верстах от Мерёфы. Обзавёлся мельницей, пасекой... Но мирная жизнь продлилась недолго. В 1665 году Сирко был избран полковником Харьковского слободского казачьего полка, вместе с которым поддержал вспыхнувшее на Слобожанщине казацко-крестьянское восстание против произвола старшины и царских воевод. После подавления восстания он возвратился на Запорожье, где встретил радушный приём.

Казачьи гетманы Украины, то и дело заключали союзы, то с Россией, то с Польшей, то с Турцией и Крымом, чтобы вскоре им изменить. Такая политика превратила Правобережную Украину в опустошительную «руину», где свирепствовали турки, татары, польская шляхта и жолнеры. Положение на Левобережной Украине, защищаемой Россией, резко контрастировало с «руинами» правого берега. Простой народ, в большинстве своём желал русского подданства, гарантировавшего относительное спокойствие и благополучие. Это признавал даже антирусски настроенный гетман Правобережной Украины Павел Тетеря. В своей грамоте польскому королю за 1664 г., он писал, что «... вся Украина решила умереть за имя царя московского». Кошевой атаман Запорожской Сечи Иван Сирко, в свою очередь уверял Алексея Михайловича, что все города, от Днепра до Днестра, хотят «... держатися под крепкой рукой Вашего Царского величества, доколе души в их телесах будут».

1665 год

В конце 1664, начале 1665 года, Войско Донское отправило в Москву с вестями легковую станицу атамана Позднея Степанова. Однако больше ни какой другой информации об этой станице не найдено.

1665 г. В этом году государево жалованье сопровождал посол в Турцию дворянин Василий Тяпкин. Он должен был восстановить дипломатические отношения со Стамбулом, прерванные из-за войны на Украине. Прибыв в апреле, в верховой Пятиизбянский городок, он велел казакам принять государево жалованье и требовал себе охрану и проводников, для охраны и сопровождения посольства и его имущества. Но это было нарушением войскового обычая: жалованье всегда передавалось Войску Донскому в Главном Войске – в Черкасске. Пятиизбянские казаки, сойдясь в Круг, и выслушав посла Тяпкина, заявили, что «... великого государя казны... принять не смеем». Казаки ссылались на своё малолюдство и выделить требуемое количество казаков для охраны и сопровождения не могли. Посол стал негодовать и настаивать, но казаки в своём решении были непреклонны. Тогда Тяпкин отправил в Москву отписку с жалобой на донцов, где писал, что казаки Пяти Изб Яков Андреев с «товарищи» государеву указу «учинились непослушны» и «... говорили де невежливые слова изменничьи».

Из Москвы, в Войско Донское была отправлена грамота с требованием разобраться с казаками городка Пять Изб. По прибытию этой грамоты в Черкасск, Я. Андреев «товарищи» были «взяты в Войско». На войсковом Кругу их стали расспрашивать «... по токое... неистовства сыскивали накрепко», в присутствии свидетелей – бывших в то время в Войске царицынских стрельцов Д. Уфимцева «с товарищи». В результате сыска, обвинения посла не подтвердились. Яков Андреев и другие казаки «... посланнику невежливых слов не говаривали». Далее в войсковой отписке государю, следовала приписка, что сам Василий Тяпкин на Круге подтвердил, что он «... писал с сердцем, не осмотрясь». На этом конфликт был исчерпан. Войско Донское заключило с азовскими турками мир и передало им русского посла.

Прибывший в Азов стряпчий Тяпкин, был встречен упрёками и выговорами, ему говорили: «Если бы Российский государь желал находиться с турецким султаном в искренней дружбе, то не приказывал бы донским казакам производить набеги на пограничные приморские города, его государства». Посол же, памятуя наставление государя: не обострять отношений с турками, отвечал азовскому паше: «... великому государю нашему, его царскому величеству про то неведомо, что донские казаки пошли, и указу его царского величества ныне на Дон к казакам не бывало, чтобы им Магмет султанова величества украины не воевать и на украины не ходить». «А если Магмет султанова величество – говорил далее посол – изволит вместе с ним послать к государю посланника или гонца и отпишет в грамоте о казачьих неправдах, то государь велит им не ходить в турецкие украинные города, совершать морские походы и чинить туркам задоров и зацепок, и велит от всякого дурна унять».

Но азовский паша не верил русскому послу, говоря, что «... прежние де царского величества послы и посланники говорили так же, что он Василий, говорил, будто его царское величество о казачьих неправдах не знает, и указу его царского величества о том им не бывало. А для чего де его царское величество, присылает к ним, казакам, своё государево денежное и хлебное жалованье и сукна погодно; и то де знать, что казаки всякие им обиды чинят и войну вчинают по указу его царского величества, а не своим изволением. Да к ним же де его царское величество присылает в помощь своих государевых ратных людей, стрельцов и солдат».

На эти обвинения Василий Тяпкин отвечал, что жалованье царь присылает на Дон за казачьи службы в дальних украинных городах, и за военную службу, не по государеву указу, а по своей охоте. А солдат и стрельцов государь посылает на Дон для защиты своих государевых украинных городов от крымских и нагайских татар. Кроме этого Тяпкин заявил Магмет

паше, что он зря жалуется ему на казаков, так как он послан царём к султану для решения общих великих дел, а о казаках и прочих делах, ему говорить не приказано. На этом переговорах с пашой закончились, и посол через Крым был отправлен в Стамбул. В турецкой столице его продолжали терзать вопросами о казачьем воровстве и разбоях, и требовать их прекратить. Под давлением султана и великого визиря, Тяпкин отправил от себя грамоту донским казакам, где просил их прекратить на крымские улусы и Азов. Но Войско Донское ответило на него отказом, передав азовскому паше, что «Василья Тяпкина мы не слушаем, а слушаем указ великого государя, прислана от великого государя на Дон грамота, чтоб нам послать под Крым для языков, и про Василья Тяпкина проведать, и мы для языков под Крым послали».

Как мы видим, строительство турками в донском гирле своих крепостей, лишь затруднило выход казакам в море, но отнюдь не прекратило их морские походы. Казаки ежегодно, когда с боем, когда хитростью, прорывались в Азовское и Чёрное моря, и продолжали разорение побережий.

Весной, вместе с получением государева жалованья, Войску Донскому была прислана царская грамота, где среди прочего, Алексей Михайлович обращался к Войску с призывом прислать на войну с Польшей несколько тысяч казаков. Донцы, сойдясь в Круг, решили по общему согласию, отправить в помощь русским войскам 2000 конных казаков, под началом походного атамана Ивана Разина, старшего брата Степана Разина. В России казаки попали под командование князя Долгорукого, человека жёсткого и решительного. Донские казаки успешно сражались с поляками до осени. С наступлением же холодов и осенней распутицы, они стали помышлять о возвращении на Дон, считая службу свою, как и в добрые старые времена, добровольной. Но так не считал князь Долгорукий, отказавшийся отпустить казаков на Дон, грозя им расправой. Между князем и Иваном Разиным произошла крупная ссора. Казаки недовольно взроптали, ведь им на смену должны были прийти другие полки с Дона. И Иван Разин, призвав приказ Долгорукого, повёл своих казаков домой.

Князь, узнав об этом, отправил за ними погоню, с приказом вернуть донцов. Царские войска под угрозой смерти сумели задержать часть казаков и возвратили их. На глазах всех казаков и его младших братьев, Иван Разин был повешен, за неисполнение приказа. Казаки, пролившие немало крови защищая Московское Царство, от экспансии Польши и мусульманского мира, были потрясены этой казнью, и многие из них затаили злобу против Москвы и русского боярства. Как впоследствии стало ясно, поступок Долгорукого был недальновидным и вылившимся в восстание под предводительством Степана Разина, принёсшего немало бед как Войску Донскому, так и России.

В конце ноября, в начале декабря Войско отправило в Москву зимовую станицу во главе с атаманом Корнилой Яковлевым и есаулом Карпом Федосеевым и 28 казаками. Казаки привезли с собой войсковую отписку и били челом о пожаловании государева им жалованья. В Москву донцы прибыли 18 декабря.

Исполняя волю государя, казаки и калмыки непрерывными набегами под Азов и Перекоп не давали покою врагам своим. В ноябре 1665 г., всё Войско Донское, соединившись с полками русских ратных людей, в очередной раз приступало к Азову. Казаки и россияне с боем взяли предместье и предместные укрепления. Все попытки азовского гарнизона отразить неприятелей не увенчались успехом. Множество турок было истреблено, в их числе пал и сам азовский паша Мустафа, зять турецкого султана. Узнав об этом, султан велел обнести предместья каменной стеной, чтобы хоть как-то защитить его от практически ежегодных разорений и грабежа донскими казаками. Известие об этом предприятии и прочих донских делах, было отправлено в Москву в декабре 1665 г. со станицей Родиона Осипова.

В этом 1665 году, случилось знаковое событие, повлиявшее на ход как Донской истории, так и всей России. Одним из казачьих отрядов пришедших по призыву царя для участия в войне с поляками, командовал атаман Иван Разин. До недавнего времени существовал

негласный обычай, согласно которому, казаки, по истечении определённого времени, могли покинуть русскую армию и уйти на Дон. Что и попытался сделать со своими казаками атаман Иван Разин. Однако воевода князь Юрий Долгорукий воспротивился этому. Атаман, считая, что казаки служат русскому царю по своему желанию, а не по долгу, самовольно покинул стан Долгорукого. Узнав об этом, князь приказал русским войскам перехватить самовольщиков. И когда это было сделано, приказал повесить атамана Разина. Смерть брата, произвела на Степана Разина неизгладимое впечатление, и он затаил в душе жестокую обиду.

Был ли кто виноват в подобном исходе? В основе всех этих событий лежит, принципиально разное понимание воинского долга. Иван Разин, как и многие его предшественники, полагал, что служит, когда хочет. А не хочет – не служит. Князь Долгорукий воевал согласно воинского долга и крёстного целования русским царям. И здесь никто не виноват. Долгорукий служил России и её самодержцу. Атаман Разин – себе.

В ноябре или декабре 1665 года отряд донских казаков атамана Иван Карпова ушёл со службы из г. Борисоглебова (русское название захваченной шведской крепости Динабург на реке Западная Двине) в Псков. По грамоте из Разряда, полученной князем И. Хованским в Пскове 24 декабря, ему было указано про казаков «роспросить и розыскать подлинно», как они ушли из Борисоглебова, а «вешать... и кнутом бить» до государева указа их запрещалось. Сами казаки, впоследствии утверждали, что пришли из Борисоглебова в Псков по «отпуску» тамошнего начальства, поскольку там было «запасами скудно». Чем закончилась эта история не ясно.

В декабре 1665 года Войско Донское отправила в Москву с вестями станицу во главе с атаманом Родионом Осиповым (Калужениным), сыном героя Азовского сидения, войскового атамана Осипа Петрова (Калуженина).

В этом же году, Войско Донское отправило в Москву легковую станицу атамана Поздняя Степанова. В Преображенском Усть-Медведицком монастыре, где вначале была лишь построена часовня, казаки по благословлению святейшего патриарха Никона, в 1665 г. построили деревянную церковь по имя Преображения Спаса. Освятили ее в 1670 г.

1666 год

1666 г. Алексей Михайлович, рассмотрев войсковую отписку и челобитную, доставленную станицей Корнилой Яковлевым и Родионом Осиповым, указал отправить на Дон своё жалованье паче прежнего 2250 рублей, 200 половинок гамбургских сукон, 3000 четвертей хлебных запасов, 50 пуд зелья ручного, 50 пуд зелья пушечного, 50 пуд свинца и 50 вёдер вина. С жалованьем было велено отправить дворянина Клементия Синицына.

Прибывший на замену убитому паше Мустафе, паша Магмет, желая отомстить за гибель своего предшественника, решил 22 января послать на Черкасский городок конницу и пехоту, их возглавили два турецких аги. Выйдя вечером из Азова, они устремились форсированным маршем к Черкаску. Конница шла берегом Дона, а пехота по льду реки, с намерением внезапно появиться у казачьего городка и взять его изгоном. Однако счастливый случай помешал исполнению этого плана. В ту же ночь, Войско отправило для поиска под Азов 300 охочих казаков, которые идя вниз по Дону, увидели на Лычанском острове множество костров.

Турецкая пехота, утомившись в походе, готовила себе и ужин и отдыхала у огня: «... после Рождества Христова в мясоед на пятой неделе из Азова два аги с конными и пешими воинскими людьми, конные шли степью, а пешие по реке льдом, и из Черкасского де их городка ходили охочих их казаков для языков 300 человек, и дошли де они вниз по Дону до Лычанского острова ночью и они де увидели – на том острове огни горять, и те де их посыльщики послали от себя на тот остров тайно проведать, какие люди на том острове стоят и много ль каких людей стоять, и они де, проведав, что стоят азовские воинские люди, и они де, атаманы и казаки, прося у Бога милости, и на тех азовских людей ударили в то же ночь, и у них де с теми посыльщиками на том месте был бой, и государским де счастьем тех азовских пеших людей побили, а живых взяли 20 человек».

От пленных турок казаки узнали о идущей берегом коннице и тотчас послали в Черкасск к атаману Науму Васильеву известие о идущем к Главному Войску неприятеле. Атаман, собрав казаков и соединившись с русскими ратными людьми воеводы Ивана Фастова, выступил в Рыково урочище «... и донское де войско сошлось с теми азовскими воинскими людьми в том месте, и с ними де у них был бой в другоряд, с конными людьми, и на том де бою взяли Тахтамыш агу и с ним 5 человек, и они де атаманы и казаки, взяв тех языков к себе в Войско, пяти человек, в кругу у себя казнили, а шестого человека, азовцы Магметка из Войска послали к великому государю к Москве».

Войсковая отписка об этом событии была отправлена в Москву очевидно в марте, с легкой станицей атамана Тимофея Иванова. В ней казаки доводили до сведения государя о попытке нового азовского паша взять Черкасский городок и разгроме турецких войск напротив Лычанского острова, и турецкой конницы у Усть-Черкасса (район Рыкова урочища). А также взятии в плен многих турок и отправке в Москву «... азовского... бешлея Магметка».

Получив Войсковую отписку, 1 марта 1666 года, Алексей Михайлович отправил на Дон с легкой станицей атамана Тимофея Иванова, свою грамоту «... с изъявлением похвалы казакам за поход под Азов и бой с азовцами против Лычанского острова и на Усть-Черкаске: «И вы, атаманы и казаки, собрався с нашим, великого государя воеводою с Иваном Фастовым и с нашими ратными людьми, которые у вас на Дону, против тех азовских воинских людей ходили и сошлись с ними на Усть-Черкаске и... на том бою азовских многих людей побили». Кроме этого царь доводил до сведения казаков о поданных ему калмыцким тайшой Мончаком жалобах: «... что де вы, атаманы... ему, тайше Мончаку и улусным его людям, чините шкodu большую, ясырь у них подговариваете и лошадей отгоняете и им де на Крым... не кочевать, и терпеть от вас невмочь...». Алексей Михайлович призывал казаков жить с калмыками в мире и требовал произвести розыск: вернуть калмыкам их ясырь и лошадей, всех же виновных

в воровстве наказать, чтобы другим было неповадно. «И мы, Великий Государь, вас, атаманов и казаков, за ту вашу службу жалуем, милостиво похваляем... а служба ваша и раденье у нас, Внликого Государя, забвенна не будет... чтоб вам с калмыцкими людьми служить... жити б вам смирно и в совете, никаких ссор и задоров, чтоб их от нашии, государские руки не отгонити... о том приказать накрепко, чтоб впред колмыков которые близко тех верхних ваших городков кочуют, шкод им никаких ни чинили, а были б с ними во всякой дружбе и совете безссорно».

Царь не удовольствовался войсковою отпиской и указал расспросить о донских делах как донского атамана Тимофея Иванова, так и всех казаков его станицы в тот же день, 1 марта 1666 года: «...Поехали де они с Дону из войска тому ныне пятая неделя, и при них де на Дон к ним к казачью Черкасскому городку приходили нынешней зимы после Рождества Христова в мясоед на 5 неделе из Азова два аги с конными и пешими воинскими людьми, конные шли степью, а пешие по реке льдом, и из Черкасского де их городка ходили охочих их казаков для языков 300 человек, и дошли де они вниз Дону до Лычанского острову ночью, и они де увидели на том острове огни горят, и те де их посыльщики послали от себя на тот остров тайно прове-
дать, какие люди на том острове стоят, и много ль каких людей стоят, и они де проведав, что стоят азовцы воинские люди, и они де, атаманы и казаки, прося у Бога милости, на тех азовских людей ударили в тое ж ночь, и у них де с теми посыльщиками на том месте был бой, и государ-ским де счастьем тех азовских воинских пеших людей побили, а живых взяли 20 человек, и той де ночи те их посыльщики ведомость о том учинили на Дон в войско в Черкасской городок атаманам и казакам, и на утре де те их донские казаки из Черкасского городка войском вышли на усть Черкасской в Рыково урочище, и донское де войско сошлись с теми азовскими воин-скими людьми в том месте, и с ними де у них был бой вдругоряд с конными людьми, и на том де бою взяли Тахтамыш-агу и с ним 5 человек, и они де, атаманы и казаки, взяв тех языков к себе в войско, 5 человек в кругу у себя казнили, а шестого человека, азовца Магметка, из войска послали к великому государю к Москве».

В этом же году Алексей Михайлович отправляет в Стамбул своего посланника, стряпчего Василия Тяпкина, для возобновления прекратившихся переговоров с Турцией. Он отплыл бударами из Воронежа и из Черкасска был сопровождён казаками в Азов.

Азовский паша Мегмет, выговаривал Тяпкину про набеги донских казаков на Азов и Крым, и про то, что царь не только не стремиться их унять, но и присылает на Дон своих стрельцов. Чтобы у читателя сложилось представление об этих «переговорах» русского послан-ника и азовского паши, следует привести отрывок отписки В. Тяпкина из «Турецких дел», которая была привезена в Москву 1 сентября 1666 года:

«...Магмет-паша (азовский комендант) говорил: не довелось де было его, Василья, в их государство принять, потому царское де величество ссылается с Магмет-султановым величе-ством о дружбе и любви, а донские де казаки Магмет-султанова величества окраинных городов людям многие обиды и неправды делают, и ныне де воюют турецкие места, ходя по морю.

И Василий говорил: великому государю нашему, его царскому величеству, про то неве-домо, что донские казаки пошли, и указу его царского величества ныне на Дон к казакам не бывало, чтобы им Магмет-султанова величества окраины воевать и на море ходить. А как Магмет-султаново величество изволит с ним, Васильем, послать к великому государю нашему, к его царскому величеству, посланника своего или гонца, и о казацких неправдах велит отпи-сать, и великий государь наш, его царское величество, казакам в окраинские города Маг-мет-султанова величества и на море войною ходить и задоров, и зацепок и никаких обид чинить не велит и от всякого дурна велит унять.

И Магмет-паша говорил Василью: и прежние де царского величества послы и послан-ники говаривали так же, что он, Василий, говорил, будто его царское величество о казацких неправдах и о войне не ведаёт, и указу его царского величества о том им не бывало.

А для чего де его царское величество присылает к ним, казакам, свое государево денежное и хлебное жалованье и сукна погодно, и то де знать, что казаки всякие им обиды чинят и войну вчиняют по указу его царского величества, а не своим изволением? Да к ним же де его царское величество присылает в помощь своих государевых ратных людей, стрельцов и солдат.

И Василий говорил: великий государь наш, его царское величество, присылает свое, великого государя, жалованье казакам за их службы, которые они служат и в посылках бывают в дальних окраинных городах, где великий государь укажет, а что они, казаки, бывают где на войне не по указу его царского величества своею охотою, и за то им от царского величества жалованья не бывает. А ратные люди присылаются на Дон для береженья его царского величества окраинных городов от крымских и от ногайских татар, а не для того, чтоб им своевольничать и Магмет-султанова величества окраины воевать. А на казаков паша ему жалуется напрасно, потому что он, Василий, от царского величества послан к Магмет-султанову величеству с грамотами наскоро и о иных великих государей общих великих делах, которые надлежат меж ими, обоими, великими государями, в братской дружбе и любви, а о казаках и о иных ни о каких делах от царского величества ему, Василью, говорить не приказано».

Вскоре паша Мегмет отправил Василия Тряпкина в Стамбул, добившись от того, отправки письма донским казакам. В письме русский посланник призывал Войско Донское жить в мире с азовцами и крымцами, и задоров им не чинить. Однако, казаки, сойдясь в Круг, решили отправить в Азов письмо, к котором говорилось, что Василий Тяпкин им не указ, а указ московский государь, который указал им идти под Крым за языками и вестями о Василии Тяпкине.

Оставшиеся под Псковом с прошлого года донские казаки, маясь зимой от безделья, «пошаливали», грабя, а то и убивая местных жителей. Так в начале года стало известно об убийстве двух псковских мещан, и пяти их слуг казаками во главе с Власко Верещагиным. По приказу воеводы городские стрельцы, войдя в казачий лагерь, арестовали девятых казаков. Под пыткой те признались, что это они «посадили в воду», то есть утопили псковских мещан и указали место преступления. В указанном месте и были обнаружены трупы псковитян. По приказу воеводы трое казаков были повешены за это «воровство», а шестеро «отданы за пристава до государева указа». Последовавший вскоре царский указ, так же велел казнить оставшихся «воровских казаков», «чтоб иным их братьям на то смотря, так воровать было не повадно».

В конце апреля в морской поиск вышел атаман Родион Осипов с 500 казаками на 20 малых стругах. Прорвавшись через гирло, казачий флот устремился к крымскому побережью, где сжёг и разорил несколько татарских селений, взяв добычу и полон, освободив при этом русских невольников.

В Черкасский городок русское посольство и суда с государевым жалованьем прибыли 28 мая. Казаки, извещённые дворянином Синицыным, торжественно встретили послов: «... мы, холопи твои, учинили стречю конная берегам. а рекою Доном судами из мелково ружья снаряду стреляли». Кроме того, в церквях звонили в колокола, «... Бога молили и священникам молебн звонами служить велели, и воду святили».

Тем временем, гетман Правобережной Украины Дорошенко, изменил союзу с поляками, решив, что турки и крымские татары более выгодные союзники. Соединившись с армией мусульманских властителей, он двинулся навстречу полякам, разгромил их, заключив выгодный для себя мир. Но выиграв в одном, он потерял в другом – народной поддержке, так как турки и татары вели себя на Украине как во вражеской стране.

Пока весной – летом 1666 г. низовые и часть верховых казаков сражалась с турками и татарами в низовьях Дона, Турции и в Крыму, часть верховых голутвенных казаков, недавних выходцев из России, решила идти в Москву с требованием к царю принять их на службу

и назначить денежное жалование. Эти казаки не желали рисковать своими головами и подставлять их под турецкие пули и татарские сабли. Возглавил казаков известный верховой атаман Василий Ус. 500 донцов двинулись к Воронежу. В городе к ним присоединилось 200 городских казаков, бросивших свою службу. Выехавший к ним воронежский воевода призвал их одуматься и возвратиться на Дон. Но атаман, как и казаки, проигнорировали его уговоры и решили двинуться дальше.

Движение сильного вооружённого отряда, вызвало в Москве беспокойство, и правительство потребовало от казаков присылки в Москву своих представителей с челобитной, велел остальным ожидать ответа. 22 июня донцы отправили в столицу легковую станицу с челобитной. Однако ожидать ответа не стали и двинулись дальше, остановившись только под Тулой. Продвижение большого отряда вольных казаков по уездам с закрепощённым населением, взбудоражило умы крестьян, и они толпами двинулись на соединение с казаками атамана Уса. При этом, зачастую грабя и убивая своих помещиков.

Дворяне Москальского, Тульского, Веневского и Дедиловского уездов, бросив поместья, устремились в города, требуя от правительства пресечения мятежа. Они заявляли, что казаки и беглые крестьяне разоряют имения, творят «... насилдование всех людей», а «крестьянских жён емлют к себе». Но помещики, судя по всему, сильно преувеличивали бесчинства донцов. Так из отписок приказных людей нам известно, что казаки «съестное имали, а грабежом ни чего иного не брали и убийств не чинили». Тем не менее, Алексей Михайлович двинул на них полки князя Борятинского, для того, чтобы вытеснить буйную казачью назад, на Дон. Кроме этого царь приказал воеводам из Тулы, Дедилова, Ельца и Воронежа, выслать карательные отряды для усмирения крестьянских волнений.

Казаки, видя решимость Борятинского и бессмысленность сопротивления превосходящим силам, решили в Кругу возвращаться на Дон. Воеводы были удовлетворены этим решением, но потребовали от атамана Уса выдачи всех беглых. Однако атаман отказался выполнить это требование. Воеводы же, со своей стороны, не решились сделать это силой. Узнав об этом, русский царь направил Войску Донскому грамоту, с требованием наказать воровского атамана и казаков, а также выдать всех беглых, чтобы другим неповадно было бегать. Войско, получив государеву грамоту, с требованием наказать воровского атамана Уса и унять голытьбу, разделилось во мнениях.

Но в Войске, нашла коса на камень. Корнила Яковлев, сторонник промосковской партии старожилых и домовитых казаков, был скинут с атаманства за требование крайних мер по отношению к атаману Усу и его казакам. Вместо него войсковым атаманом был избран знатный старшина Михайло Самаренин. Новый атаман, ни каких жёстких мер по отношению к участникам похода не предпринял. В отписке же в Москву, Войско Донское заверяло царя, что строго наказало атамана Уса и его «бунташных» казаков, и ко всему прочему, лишило их государева жалования. Беглых же крестьян, присоединившихся к Василию Усу и пришедших на Дон из шацких дворцовых сёл, Войско выдать отказалось, заявив, что «С Дону выдачи нет». Впрочем, этот отказ был связан не только с тем, что казаки считали этот принцип основополагающим в жизни донского казачества и его независимости, но и с дефицитом рабочих рук на Дону. Особенно он ощущался в хозяйствах домовитых казаков, занимавшихся рыбными промыслами. Хотя, как показало время, голутвенное казачество, без кола и двора, было палкой о двух концах.

В отписке, датированной августом 1666 года, казаки в свою очередь жаловались Алексею Михайловичу на своих недавних союзников и его подданных – калмыков. Которые, по их словам, «... чинят обиды большие», «... убили семерых казаков на реке Бузулук и в иных... разных местах многих казаков»; «Казаков перерезали, и кони, и коровы отгоняют» и «твою, великого государя, вечную отчины реку Дон... пусту учиняют». Очевидно, что между казаками и калмыками произошла крупная размолвка, переросшая в военные действия.

В сентябре 1666 года, Войско Донское отправило в Москву с вестями легковую станицу атамана Григория Филиппова (Трубача). Ни каких других сведений об этой станице найти не удалось.

В ноябре Войско Донское отправило в Москву зимовую станицу во главе с атаманом Михаилом Самаренином и есаулом Филиппом Васильевым в числе 26 человек. Казаки везли войсковую отписку и челобитную царю. В отписке войсковой атаман Корнила Яковлев сообщал о получении Войском государева жалованья, встрече посла Василия Тяпкина и отпуске его в Азов. А также о расследовании Войском самовольного ухода казаков атамана Василия Уса: «И за то ему Василью с товарищи за его вину, что выходили на твою Великого Государя службу без твоего государева указу самовольством и без вашего войскового ведома. И за то ему Василью с товарищи учинили мы, холопи твои, наказание жестокое без пощады, чтоб на то смотря иным не повадно. И твоево Великого Государя жалованья ничего им не дали за их самовольства, и на них же войсковая пеня под смертную казнию без пощады».

1667 год

1667 г. В январе Михаил Самаренин на расспросе в Посольском приказе рассказал, что по пути в Москву, зимовая станица пересекла калмыцкую сакму, «... которые калмыки ходили в Крым под Перекоп, и под Перекоп де нынешние осени перед их поездом не за долго у крымских татар многие животинные стада и лошади отогнали, и те де стадные лошади и животину к ним атаманом и казаком в Войско приводя, меняют на киндяки и зипуны».

По словам атамана, «... калмыки де, которые служат Великому Государю и кочуют тайша Солом Серень по сю сторону Дону промеж Донца». С самими же калмыками тайши Солом Сереня, казаки живут мирно и сносятся с ними.

С крымским ханом и турецким султаном казаки живут «в миру», пока из Стамбула не будет отпущен русский посол Василий Тяпкин. «А про Василья Тяпкина они слышали, что он во Царьгород принят, только де во Царьгороде салтана самого нет, а живёт де в Ядрине поле, и тот де Василей Тяпкин был ли у салтана или нет, того им слышать ни от ково не учинилось».

Царь указал казаков зимовой станицы пожаловать, и выдавать им с 11 декабря 1666 года, атаману 6 чарок вина, три кружки пива и три кружки мёда; есаулу четыре чарки вина, две кружки пива и по две кружки мёда; рядовым казакам по три чарки вина, по кружке мёда и по две кружки пива. Кроме этого атаману указано выдать 6 алтын и 4 деньги; есаула 4 алтына; казакам по 3 алтына и 2 деньги.

18 января Алексей Михайлович, рассмотрев войсковую челобитную и указал думному дьяку Дементию Башмакову отправить на Дон, в качестве жалованья «... две тысячи рублёв, двести половинок сукон амбургских; зелья ручного да зелья пушечного сто пуд, свинцу пятьдесят пуд; да с Воронежа хлебных запасов три тысячи чети». Кроме этого, казакам было указано отправить 50 вёдер вина «... для приезда на Дон к ним атаманом и казаком, калмыцких посланцов с Воронежа».

Узнав о размере государева жалованья, атаман Самаренин вновь бил челом царю, прося дополнительное жалованье, ссылаясь на мир с турками, из-за которого казакам не где добывать зипунов: «А которые Государь, у нас холопей твоих, добычи были под Азовом, и мы, холопи твои, тех добычей для ради твоих государевых дел отстали зипунов нам, холопом твоим, взять себе». Но Алексей Михайлович, на эту челобитную не ответил.

24 января, царь приказал отправить на Дон «наскоро» двух казаков станицы атамана Самаренина со своей грамотой, дав им коней и выдав по 11 рублей и по английскому сукну «доброму». В грамоте сообщалось об отправке весной на Дон жалованья, призывалось жить в мире с азовцами и турками, и разузнать о после Василии Тяпкине.

Кроме обычного жалованья, которое полагалось казакам на отпуске, в честь рождения у царя сына Ивана Алексеевича, им было указано выдать: атаману Самаренину 40 соболей ценой в 30 рублей, есаулу 2 соболя ценой в 2 рубля и казакам 2 соболя за 1,5 рублей.

Измена гетмана Дорошенко польской короне и разгром польской армии, поставили поляков в безвыходное положение. Речь Посполитая, обескровленная годами непрерывных войн, не могла вести боевые действия на два фронта. Нанеся ряд поражений Яну Казимиру, Дорошенко сделал поляков уступчивыми в мирных переговорах и с Россией. Немаловажную роль в этом сыграло и русское золото, которое Ордин-Нащёкин щедро раздавал польским комиссарам. В результате чего 31 января 1667 г. между Польшей и Россией было заключено Андрусовское перемирие, сроком на 13,5 лет. К России по договору отходила Смоленская и Северская земля, Левобережная Украина. Под власть Москвы, на два года переходил Киев и его окрестности. Как говорить: нет ни чего более постоянного, чем временное. Запорожская Сечь, номинально находилась в двойном подчинении Польши и России. В случае вторжении на Украину турок и татар, Россия и Польша договорились оборонять её совместно.

Заключением Андрусовского перемирия закончилась эпоха противостояния двух славянских держав, плодами которой воспользовались турки, и началась новая эпоха противостояния России и Османской империи, длившийся свыше 100 лет и закончившаяся развалом турецкой империи и исчезновением Крымского ханства. Но до этого было ещё далеко, а пока донские казаки продолжали вносить свою лепту в победу над мусульманскими державами, пытавшимися полностью взять под контроль восточное побережье Чёрного море.

Вначале 1667 г., из Москвы в Крым, вместе с отъезжавшим крымским посольством, было отправлено русское посольство стольника Ефима Лодыженского и подьячего Скворцова, для переговоров с крымским ханом о мире. Вопреки обыкновению, посольства ушли в Крым не Доном, через Азов, а украинскими степями. У Днепра они были перехвачены запорожскими казаками и погромлены. Второе посольство было отправлено в июле 1667 г. Доном, через Черкасский городок. Первыми в Главное Войско прибыли послы в Крым: дворянин Богдан Чигаков и подьячий Долгов. Несколько позже к ним присоединились послы в Турции: стольник Нестеров и дьяк Вахромеев. Послы везли крымскому хану грамоту, в которой извещали его о заключения перемирия с Польшей, предложение царя начать дружественные сношения, а также жалобы на беспрестанные набеги на Россию крымских татар и нагаев. Однако турецкое посольство, едущее в Москву, задерживалось и русским послам пришлось ждать размена семь месяцев. Пока, наконец, в марте 1668 года оно прибыло в Азов.

Начавшиеся в Бахчисарае переговоры шли трудно, из-за чрезмерных требований хана и его мурз. Согласно которым Россия должна была отказаться от принятия в подданство запорожских казаков и передать их Польше, а также выплатить Крыму огромные «поминки» и запретить донским казакам разорять побережье Турции и Крыма. На это Москва не могла пойти, и переговоры закончились безрезультатно. На следующий 1669 год, переговоры продолжились и так же не имели успеха. И только в 1670 г. в Крыму был заключён мир между тремя государствами участниками конфликта: Россией, Польшей и Крымом. Один из пунктов этого договора обязывал Россию запретить донским и запорожским казакам морские и сухопутные походы на турецкие и крымские владения.

Однако на Дону, и в Запорожской Сечи, этот пункт договора вызвал глухое недовольство, так как лишало голутвенное казачество основного источник доходов. Ибо государева жалованья хлебом и крупами, на весь год всем казакам не хватало. Старожилые и домовитые казаки в большинстве своём имели своё хозяйство: скот, рыбные промыслы, торговлю и могли прожить определённое время без военной добычи.

Корнила Яковлев, вновь избранный войсковым атаманом, опираясь на старожилых казаков и старшину, сумел на Круге убедить большинство казаков в необходимости заключения перемирия. Однако это не остановило рост недовольства в верховых городках. Движение недовольных казаков возглавил Степан Разин, один из знатнейших и уважаемых старшин Войска Донского. Он пользовался среди донцов заслуженным авторитетом и значительным влиянием. В буйной голове Разина уже давно вынашивался план мести Москве и российским боярам, за казнённого князем Долгоруким брата Ивана.

Но для этого требовалось поднять не только голутвенное казачество Дона, так называемую гольтепу, но и русское крестьянство, посадских людей, с жизнью, бытом и чаяниями, Разин был мало знаком. Для этого он, под предлогом посещения святых мест, исколесил вдоль и поперёк всю Россию. По некоторым сведениям, Разин встречался с опальным патриархом Никоном в Воскресенском монастыре и имел с ним беседу. Побывал он, и в Запорожской Сечи, и на богомолье в Соловецком монастыре. Возвращаясь на Дон, Разин вновь встретился с лишённым сана Никоном, где якобы смущал его призывами бежать с ним на Дон и стать знаменем казачьего возмущения. Но старец отказывается от столь безрассудного шага и зимой 1667 г. Разин возвращается в Войско. Здесь он находит благодатную почву для возмущения

голутвенного казачества, не желавшего мириться с запретом на морские, и сухопутные походы, в Крым и Турцию.

Разин воспользовался благоприятной ситуацией, и по его кличу: «Братцы мои, голь кабацкая пойдёте со мной на синее море, зипуны добывать!», под его знамёна встала не только голь кабацкая, но и часть недовольных московскими указами, старожилых домовитых казаков и старшины. Первоначальный план Разина идти в поход к берегам Турции и Крыма сорвался, так как в Черкаске была сильна промосковская партия казаков во главе с его крёстным отцом – Корнилой Яковлевым, а он пользовался авторитетом, куда большим, чем его крёстный сын. Собравшийся Круг запретил морской поход. Тогда Разин, со своими сторонниками, недовольными решением Круга, взяв все имевшиеся в Главном Войске струги, и ушёл вверх по Дону.

Невдалеке от Паншинского и Качалинского городков, своевольный атаман заложил Кагальницкий городок, куда и стали стекаться партии «ослушных» Главному Войску «воровских» казаков. В соседних верховых городках Разин нашёл многих своих сторонников, которые стали сюда сходиться ещё до появления мятежного атамана. Сбившись в ватаги, они стали готовиться к походу на Волгу.

Известия об этих приготовлениях, стремительно распространились по окрестным городкам и вскоре стали известны в Москве, где не вызвали особого удивления. Так ещё в феврале, одна из казачьих ватаг, захватила и разграбила вмёрзшее в лёд государево судно с икрой и рыбой, и купеческое, с товарами. При этом казаки похвалялись, идти весной большими партиями по Реке Иловле на Волгу.

Узнав об этих событиях, приведших к расколу в Войске в марте 1667 г., царь и Боярская дума, всерьёз обеспокоились. Всем воеводам волжских городов были, разосланы грамоты с предупреждением о возможных казачьих разбоях. Так в грамоте астраханскому воеводе говорилось: «В Астрахани и в Чёрном яру живите с великим береженьем, на Дону собираются многие казаки и хотят идти воевать на Волгу, взять Царицын и сесть там. ... Во многие донские городки пришли с украины беглые боярские люди и крестьяне с жёнами и детьми, и от того теперь на Дону голод большой».

Вот что писал в своей «Истории России» известный историк Соловьёв: «Все они, и русские, и казаки, и хохлачи, говорили, что им идти на Волгу воровать, а на Дону им жить не у чего: государева жалованья в дуване досталось по кусу на человека, а иным и двоим кус, денег по 30 алтын, сукна по два аршина на человека, а иным и по аршину, и этим прокормиться нечем, а тут ещё на море путь заперт и зипуна достать стало негде».

Царь, встревоженный размахом событий на Дону, 22 марта 1667 г. отправляет в Войско грамоту, где требует от атаманов и старшин послать верных казаков в Паншинский и Качалинский городки для усмирения «воров» и наказания их согласно войсковому праву: «Ведомо нам в. государю, учинилось, что на Дону в Паншине и Качалинском городках собираются на Волгу многие воровские казаки, а чаят, будет их с 2000 человек, а хотят взять под Царицыным струга и лодки за боем, идти для воровства... и как к вам ся наша, великого государя, грамота придёт, и вы б послали от себя Паншинский и Качалинской городки, выбрав из Войска атамана и ясаула и с ними казаков добрых, сколько человек пригоже, и велели им запас учинить крепкой, чтоб они под Царицын и в иные места не ходили и задоров ни каких царицынским стрельцам не чинили, и стругов не имали, и ото всякого дурна и воровства велели их унять; а буде из тех казаков которые учинятся непослушны, и вы б тем за их непослушанье велели учинить наказание, по нашему, в. государя, указу и войсковому праву, кто чего доведётся».

Однако ситуация на Дону изменилась. Многие казаки, в том числе и домовитые, и знатные старшины, были недовольны политикой Москвы, запретившей Войску Донскому морские и сухопутные походы на Турцию и Крым. Да, они не решались открыто выступить против Москвы, связанные с ней экономическими взаимоотношениями, но были не прочь, если Степан Разин уведёт с Дона буйную голытьбу, начинавшую диктовать им свои условия. А заодно

покажет царю и боярам силу Войска Донского, с которой следует считаться. Многие домовитые казаки и старшины сочувствовали Разину, и считали, что он вправе идти за зипунами в Персию. В их числе был и один из влиятельнейших донских атаманов Фрол Минаев, семь лет тому назад, сам наводивший порядок в верховых городках по войсковому праву. Корнила Яковлев видя, что большинство казаков поддерживает его крестника, не стал ни чего предпринимать против Разина.

Тем временем Степан Разин, и его сподвижники интенсивно готовились к походу. Однако буйное и разношерстное воинство атамана, испытывало острый недостаток в боевых припасах и продовольствии, без которых выступать в поход было немыслимо. Но здесь атамана выручили воронежские посадские люди: Иван Горденёв и Трофим Хрипунов, давно ведущие торговые дела с донцами и скупавшие у них «погромную рухлядь». Они ссудили Разина порохом, свинцом и продовольствием в счёт будущей добычи, что было на Дону делом обычным. Не дремали и другие торговые люди, почуяв возможность несказанно обогатиться. По словам историка Соловьёва, «... от многих воронежцев было воровство; порох и свинец привозили и вора́м продавали, а у них покупали рухлядь».

Пока основные силы Разина находились ещё на Дону, его передовые отряды уже бесчинствовали на Волге, грабя купцов и промышленников. Так торговый человек Андрей Луковников, возвращавшийся с товарами из персидского города Шемаха, 2 апреля доносил астраханскому воеводе князю Хилкову, о нападении на их торговый караван воровских казаков: «... на двух стругах человек с семьдесят». Казаки открыли огонь по купцам из ружей, и захватили один из стругов, принадлежащий индийским тезикам (купцам). По счастливой случайности, захват обошёлся без кровопролития. Бывших в струге 3 индийцев и 5 татар, донцы выбросили за борт, и они спаслись на струге Луковникова.

Князь Хилков, узнав об этом, отправил 2 апреля, против воровских казаков сушей стрелецкого голову Василия Лопатина с 175 конными стрельцами. Волгой – «ясаульскими стругами» стрелецкого голову Семёна Янова, с 175 стрельцами. 10 мая Василий Лопатин вернулся в Астрахань, сообщив воеводе, обнаружили стан воровских казаков у Кумского озера, но те, заметив стрельцов, сев в струги, ушли в море.

Подготовка к походу на Волгу и Каспий, завершилась к концу апреля 1667 г. Тысяча донских казаков под командой С. Разина поднялась вверх по Иловле, откуда они переволоклись в реку Камышенку, а оттуда, в первых числах мая, спустились в Волгу. Здесь к Разину присоединилось ещё несколько ватаг донских и волжских казаков и 400 запорожцев атамана Бабы. Царские воеводы, извещённые о появлении воровских казаков, и ожидавшие их, тем не менее, оказались не готовы к такому развитию событий. Казаки же захватывали все без разбора суда, плывшие по Волге. В их числе оказались суда купца Шорина, судно святейшего патриарха Иосифа и несколько государевых судов с ссыльными. Всех дворян и приказных людей, во главе с Алексеем Золоторёвым и приказчиком Фёдором Черемисиным, Разин приказал повесить, но перед этим пытал их и жёг, утоляя жажду мести. Сам недавний соловецкий богомолец и паломник, он лично пытал монаха, сопровождавшего патриарший струг и сломал ему руку.

Все́му каравану Разин приказал следовать за ним. Все ссыльные люди были раскованы и присоединились к казакам. Новые союзники казаков оказались в большинстве своём разбойниками с большой дороги и грабителями: «... и стали они всяким людям чинить всякое разорение, мучить и грабить пуще прямых донских казаков». К атаману пристало также 160 ярыжек (очевидно грузчиков). Пристав к Сарпинскому острову, Разин раздувал добычу и беспрепятственно двинулся дальше на 35 стругах и имея около 2000 бойцов.

Тем временем, русским посланникам в Крыму, Гавриле Михайлову (Якушин к этому времени умер), стала известна переписка посланника В. Тяпкина с донскими казаками и их ответ азовскому паше:

«...Маия в 28 день ездил в Бакчисарай переводчик Кутло-Мамет, и приехав на стан, Гаврилу сказал (Якушкин же умер): сказывал ему, Кутло-Маметю в Бакчисараях полоняник Юрья Осипов, писал из Азова азовской паша в Крым к царю и прислал письмо от донских казаков, а в том письме написано: писали с Дону в Азов к нему, паше, донские казаки, против письма Василия Тяпкина, чтоб им, казакам, великого государя указу слушать, на море не ходить и с азовцы и с крымскими людьми задоров не чинить, и они, казаки, писали к азовскому паше: Василья Тяпкина письма не слушаем, а слушаем указ великого государя, прислана от великого государя на Дон грамота, чтоб нам послать под Крым для языков и про Василья Тяпкина проведать, и мы для языков под Крым послали».

29 июля симбирский воевода князь Иван Дашков, в своей отписке государю, так сообщал о всех произошедших событиях: «Донские де казаки атаман Степанка Разин, да ясаул Стенка Чернойрец, а с ними с 1000 человек (да к ним же пристают по их подговору Волские ярыжки) караван остановили выше Царицына; а как они воры мимо Царицына плыли, и с Царицына де стреляли по ним из пушек». Пристав в 4 верстах от города, Разин отправил к воеводе есаула с требованием выдать им Льва Плещеева, персидского купца, суда которого им не удалось ограбить, а так же кузнечные принадлежности.

Царицынский воевода Унковский, видя ненадёжность своих стрельцов и силу казаков, не решился против них выступить, решив удовлетворить часть требований Разина: «... и взяли на Царицыне у воеводы наковальни, и мехи и кузнечную снасть, а дал им он убоясь тех воров, что того атамана и ясаула пищаль ни сабля ништо не возмёт, и всё де войско они берегут». Воевода был рад, когда на следующий день казачьи струги двинулись вниз по Волге, к Астрахани. Во время своего движения вниз по реке, Степан Разин велел своим сподвижникам задерживать все суда, плывущие вниз и вверх по Волге, для того, чтобы известия о его «воровстве», не так быстро достигли царя и его воевод.

Однако в Астрахани уже было известно о разбоях и бесчинствах казаков. Им на встречу был отправлен стругами воевода Беклемишев со стрельцами. Между Чёрным Яром и Астраханью две судовые рати сошлись в смертельном бою, где стрельцы были разбиты, а воевода со многими начальными людьми, попал в плен. Беклемишева Разин велел повесить на мачте, других же стрелецких начальников пытали и нещадно секли плетьюми: «А Семён Беклемишев, приехав в Астрахань, сказал тож, что воровские казаки его ограбили, и чеканом руку пробили, и плетми били и вешали его на шоглу (мачту), а разграбя, поехали на низ Волгою». Слух об этой победе быстро разнёсся по всей Волге и большинство встречавшихся впоследствии судов, со стрельцами и ссыльными, без боя переходили на сторону казаков.

Приступать к Астрахани Разин не решился, из-за её многочисленного гарнизона и двинулся от Чёрного Яра, Волгой, через протоку Бузан и одноимённого с ней острова, мимо Красного Яра и вышел в Каспийское море. Там он повернул в устье Яика и стал подниматься к Яицкому городку. Князь Хилков отправил в погоню за казаками, сушей, письменного голову Григория Оксентьева, и стругами, полуполковника Ивана Ружинского. Но им не удалось настичь разинскую флотилию, ушедшую в Яик.

Тогда воевода, не сумевший перехватить Разина у Астрахани, узнав о цели его похода, послал степью за воровскими казаками деятельного воеводу Якова Безобразова со стрельцами. Усердный воевода настиг ватаги Разина у Яицкого городка. Не желая кровопролития, он послал к Разину стрелецких голов Янова и Нелюбова, с предложением прекратить грабежи и вернуться на Дон. Однако атаман, не был склонен к каким-либо переговорам и тотчас велел повесить парламентёров, что было не характерно для казачьих обычаев. После чего Разин атаковал астраханских стрельцов и разбил их на голову, захватив весь лагерь и пушки, всё продовольствие и боеприпасы. Казакам удалось это сделать лишь потому, что большинство стрельцов, не хотело сражаться. Взятым в плен стрельцам Разин предложил присоединиться к нему, не согласных с этим, он обещал отпустить, дав им струги. И отпустил, но через некоторое

время отправил за ними погоню, с приказом перебить всех стрельцов, оставшихся верными царю и присяге.

Участь Яицкого городка была предreshена. Здесь Разин решил основать свою базу для подготовки похода в Персию. Но в городке, помимо яицких казаков, сочувствующих мятежному атаману, находились стрельцы со своим головой Яцыным, дворяне и приказные люди. Разин решил взять городок без боя, хитростью. Для чего он обратился к стрелецкому голове с просьбой, позволить войти ему в городок для богомолья в местной церкви. Яцын, по своей наивности или глупости, разрешил войти в городок атаману и 40 его сподвижникам. Но Разин, войдя в городок, возмутил народ и открыл ворота, в которые тотчас ворвались казаки. Яцын со своими стрельцами не решился воспрепятствовать мятежникам, но и не перешёл на их сторону, что и предreshило его судьбу. Это не понравилось атаману, и он велел казнить стрельцов и служилых людей. Разин приказал выкопать яму, куда сбрасывались трупы казнённых. Всего было казнено 170 человек, старавшимся выслужиться «воровским» стрельцом Чикомазом, без жалости рубившим головы своим недавним товарищам. Многие жители и служилые люди бежали из Яицкого городка в степи, но и там им не было спасения: в окрестностях городка свирепствовали татары и калмыки, истребляя и пленяя беглецов.

Колеблющимся стрельцам Разин объявил свою волю: все желающие могут с ним остаться, а нет – пусть уходят. Часть Стрельцов, не захотела служить «воровскому» атаману и сев на струги, ушла рекой. Узнавший о том Разин, рассвирепел и бросился в погоню: рубил и топил им же отпущенных стрельцов. От безжалостной погони сумел уйти на струге стрелецкий голова Богдан Северов. Он то и привёз в Астрахань тревожную весть о падении Яицкого городка. Столь скорые и большие успехи, не на шутку встревожили Алексея Михайловича и вынудили его принять решительные меры для подавления мятежа. Он приказал воеводе, князю Прозоровскому, спешно идти в Астрахань во главе нескольких стрелецких колков. Прозоровский был назначен главным воеводой всего астраханского края. Кроме этого царь отправил грамоты терскому воеводе и калмыцким тайшам с приказом, истреблять воровские шайки и бунтовщиков, а также велел дать знать персидскому шаху о готовящемся Стенькой Разиным морском походе в Персию.

Ещё одна грамота была отправлена Войску Донскому, с требованием поступать с воровскими казаками с «великою войсковою грозою по их праву». «Доселе вы служили мне и всему Российскому государству верно и радетельно, многочисленные неприятели окружающие вас, страшились силы ваши, ныне к великому удивлению всей России небрежие ваше к спокойствию оказывается во всём своём виде; неужели вы не мыслите, что таковое послабление к пролитию невинной крови не может со временем обратиться на самих вас; я непрерывно получаю донесения от воевод о умножении разбойнических партий на Волге, и вы взираете на всё сие равнодушно и не только не стараетесь истреблять сии скопища, но не пишете даже ни о чём в Москву и не уведомляете воевод о происшествиях на Дону, вы забыли и не страшитесь уже ни суда Божия, ни опалы моея; вы вручены мне Богом, и учинясь толико преслушны воли моея, где найдёте себе убежища, на кого полагаете надежду свою и кто вам будет обороною? Рассудите здраво о ваших поступках в настоящее время; пошлите рать свою на истребление возмутителей или богобоязливых людей для увещаний заблудших своих собратий к возвращению на Дон; покажите свою службу перед всем государством и тем сделайте себя причастными к прежней милости моей к вам».

Войско, получив государеву грамоту, продолжало бездействовать, так как большинство казаков было недовольно запретом Москвы и поддерживали Разина в его устремлениях. Войсковой же атаман Яковлев, не смотря на весь свой авторитет и храбрость, не мог ни чего предпринять для обуздания голутвенной вольницы и своего крестника. Не мог он остановить и казаков, уходящих на Волгу вслед за Степаном Разиным. Так ещё в июне 1667 г., после ухода

Разина на Волгу, ещё два атамана ударились в «воровство»: Иван Мызников и Иван Серебряков. Отколовшись от Войска, они стали действовать на свой страх и риск.

24 сентября, Степан Разин, узнав что у протоки Еманги, расположилось кочевье едисанского мурзы Алея и его сына, внезапно приступил к нему и разгромил: «... улус Едисанского Алея князя и его сына погромили, и улусных их людей в полон и жён и детей поимали».

Алексей Михайлович, видя, что пожар мятежа на Дону не только не утихает, но и разгорается с новой силой, предпринял дополнительные дипломатические усилия. Он отправил на Дон свою грамоту, для передачи её С. Разину. Войско Донское, получив грамоту, отправило её легкой станицей атамана Леонтия Терентьева в Яицкий городок, прибывшей туда 18 октября 1667 г. Собрав казаков в Круг, Разин принял государеву грамоту и войсковую отписку, с призывом к нему отстать от воровства и возвращаться на Дон. В обмен на это, царь был готов простить все преступления, совершённые казаками. Но такой исход событий никак не устраивал бунташного атамана. Стоя в Кругу, он отказался возвращаться в Войско, сказав: «Когда вперёд ко мне государева грамота придёт, то я великому государю вину свою принесу». Но это была лишь очередная уловка Разина, стремящегося выиграть время и обмануть своих врагов. Вслед за легкой казачьей станицей в Яицкий городок прибыли посланцы от астраханского воеводы Прозоровского, с увещанием «принести вины» На что Разин ответил отказом. Одного из посланцев атаман убил и велел бросить его в воду, второго отпустил в Астрахань.

Для продолжения смуты и мятежа, Разину нужны были союзники и он обратился за помощью к калмыцким тайшам, с которыми вёл в своё время мирные переговоры от имени Войска Донского, и не один раз ходившего с ними громить крымцов, нагаев и азовцев. Тайши, получив богатые дары от атамана, обещали ему во всём помогать.

Тем временем казаки и русский наброд (бродяги) на Дону, узнав об успехах Разина на Волге, начали волноваться и сбиваться в крупные ватаги, чтобы так же идти на Волгу и Яик. Войсковой атаман Яковлев пытался всячески этому препятствовать, и потому казаки грозились его убить.

Тем временем, в 1667 году, случилось ещё одно знаковое событие. На Дон прибыли монахи Корнилий и Досифей, ставшие впоследствии духовными лидерами донских раскольников.

1668 год

1668 г. Перезимовав в Яицком городке и подготовив струги к морскому походу, весной 1668 г. Степан Разин вышел в Каспийское море, откуда направился к устью Волги, где разорил все учуги и рыбные промыслы россиян. Не удовлетворившись этим, он велел выжечь и истребить татарские юрты, расположенные у Астрахани, после чего бросился к Теркам, где разорил окрестности крепости, но саму крепость не взял.

На Дону в это время атаман Сергей Кривой, собрав сильную ватагу казаков, так же ушёл на Волгу за зипунами и казачьей славой, подобно Разину. Его отряд так же грабил и бесчинствовал по пути в Астрахань. Это заставило воеводу князя Хилкова выслать против казаков – воров четыре сотни стрельцов, под командованием письменного головы Аксентьева. Но казаки своевременно узнали о приближении стрельцов и заняли удобную позицию в протоке Карабузан, став там в засаде. При приближении стрельцов, открыли по ним огонь и бросились в атаку, не дав тем опомниться: «... а иные стрельцы, покинув струги и лодки, разбежались, а иные де пошли к воровским казаком человек с 100, а солдатского строю поручика да пятидесятника повесили за ноги, и бив ослопьем многих пересажали в воду, а голова де Григорей Оксентьев от воровских казаков ушёл в лодке с небольшими людьми; а по смете тех воровских казаков 700 человек».

Истребив самых самоотверженных и верных царю стрельцов, казаки заставили остальных сдаться на милость победителей, и присоединили их к своей ватаге. Им достались пушки и припасы побеждённых, с которыми донцы С. Кривого явились к Разину.

Кроме этого войско Разина пополнилось стрельцами, отправленными князем Хилковым для занятия опустевшего Яицкого городка. Однако казаки, своими речами совсем разложили их, и они, убив своего голову Богдана Карамышева, и присоединились к ним. Вскоре к Разину присоединились большие отряды атаманов Ивана Черномырца, Ларки Хренова, Лазарки Тимофеева и Михаила Ярославцева.

Получив столь сильные подкрепления, Разин устремился к берегам Персии. Однако персидский шах Аббас был извещён русской стороной о готовящемся морском походе воровских казаков, через английского купца Томаса Брейна. Охрана прибрежных провинций и городов была значительно усилена. Но этого оказалось явно недостаточно, так как это вторжение превосходило по своим масштабам все предыдущие. Несколько тысяч казаков Степана Разина огнём и мечом прошли по побережью Персии, без труда взяв и ограбив города Низобад, Баку, Шабран, Решт, Ферат, Астрабат и десятки менее крупных селений. Грабежи сопровождались безжалостной резнёй богатых персов. В живых оставались только те, кто был согласен присоединиться к казакам и местная беднота. Сведения об этом можно найти в российских источниках того времени, в которых говорится, что к казакам «... пристали для воровства иноземцы, скудные люди».

При занятии Решта, оповещённые заранее жители, успели уйти в горы, захватив всё самое ценное имущество и деньги. Разин, желая их ограбить, но, не имея возможности действовать в горах, пошёл на хитрость. Он велел объявить горожанам, что казаки прибыли в город для торговли, а не для грабежей и воровства и обещал всем торговым людям безопасность. Обманутые этими посулами, и показным миролюбием пришельцев, персы вернулись в Решт, в котором действительно два дня велись честные торги. Но на третий день, когда Разин узнал о возвращении в город практически всех его жителей с деньгами и товарами, он подал казакам знак, положивший начало кровавой резне, и грабежу.

Подобная история повторилась и в г. Ферате, где казаки мирно торговали пять дней, и набросились на персов на шестой день. После ухода разинцев из этих городов, они представляли собой дымящиеся руины: «... и Ферат и Астрабат города вырубил и выжгли, и многих

людей мужеска и женска полу в полон поимали, и меж Гиляни и Фарабата на острове сделали деревянный городок и землёю осыпали». Взяв в плен свыше 500 персов, Разин стал обменивать их на русских людей и казаков: «... имали за одного Кизылбашенина по два и по три, и по четыре человека Русских».

Казаки, в значительной степени разбавленные стрельцами, беглыми и ссыльными россиянами и приставшими к ним персами, под их воздействием и отсутствием дисциплины, стали постепенно терять свои боевые качества и осторожность. Развращённые лёгкими победами, пьянками, и пирами, вскоре они сами стали жертвами собственной беспечности, и им пришлось заплатить за это, дорогой ценой. Так, взяв г. Баку, казаки захватили в нём огромную добычу. Отмечая это событие хмельным пиром – упились до бесчувствия. Узнав об этом, персы, разорённые казачьим набегом, ворвались в спящий лагерь и устроили в нём резню, во время которой погибли многие сподвижники Степана Разина. Сам атаман едва не поплатился головой за свою беспечность и потакание пьянству. Потеряв свыше 400 своих товарищей, казаки спешно отплыли, спасая огромную добычу и полон. Ободрённые этой победой, жители приморских провинций, доведённые до крайности казачьими набегами, и не видя помощи от шаха Аббаса, стали стихийно вооружаться и соединяться в отряды, в стремлении защититься от пиратских рейдов казаков.

Один из опальных военачальников шаха, желая заслужить благосклонность своего повелителя, собрав разрозненные отряды вооружённых персов, посадил их на суда и бросился в погоню за казаками. Те в это время пристали к острову Сари (Свинной) и отдыхали, устроив укрепленный лагерь, готовясь к зимовке. Но попытка уничтожить разбойное войско северных пришельцев, закончилась катастрофой. В ходе разгоревшегося боя, флагманский корабль персов взлетел в воздух, из-за взрыва порохового погреба. Оставшийся без руководства персидский флот был наголову разгромлен. Многие из нападавших погибли, многие попали в плен к победителям.

Об этом эпизоде мы узнаём из письма посланника шаха Юсуфа Ханбека, поданного им в Посольский приказ: «Ещё бы челом и объявляю, что шахова величества был сотник в опале и из чину своего отставлен, именем Магмета Ханбек собрав себе полк, хотечи шахову величеству послужить и вину свою покрыть, ходил на того вора Стеньку. И он, Стенька, слышав с кизылбашский стороны побежал на русскую сторону и, поворотясь с той стороны, пришёл на шахову сторону на остров Сари; тут вместились; и тот опальный сотник, собрався, ходил на него стругами с боем и хотел их побить и переимать; и Бог ему не помог, грехом на стругу запалился, и Стенька их побил и, разогнав и сына его, сотника, взяв, привёз в Астрахань, и до Астраханского взятия тот сотников сын был в Астрахани; а как Стенька вор Астрахань взял и его убил».

Добычу, взятую казаками на Волге, они продавали русским же купцам и торговым людям из украинских городов. Так воронежский воевода сообщал отпиской в Москву о скупке воронежскими торговыми людьми у воровских казаков «погромной рухляди», взятой ими на Волге и продаже им пороха, свинца и оружия. Заклучая при этом: «... да и воровать воронежцам нельзе, потому, что у многих на Дону сродичи». Все попытки воеводы унять эту торговлю, не увенчались успехом и в городе усиливались про разинские настроения.

После Андрусовского перемирия между Россией и Польшей, крымский хан, так же решил заключить мир, для чего отправил своего гонца к Алексею Михайловичу. И в начале 1668 года из Москвы в Крым для переговоров о мире, вместе с ханским гонцом, отбыли российские посланники стольник Ладыженский и подъячий Скворцов. Однако по пути в Крым, посольство было у Днепра перехвачено воровскими запорожскими казакам и истреблено.

Чтобы не рисковать жизнями очередного посольства, царь указал ехать ему на Дон в Черкасский городок. В качестве послов были отправлены дворянин Богдан Ушаков и подъячий Долгов. Вместе с ними, через Азов в Константинополь, был отправлен стольник Нестеров

и дьяк Вахромеев с грамотой извещавшей турецкого султана о заключении с Польшей перемирия, и с изъявлением готовности российского государя продолжать дружественные сношения и с жалобами на крымского хана за чинимые им набеги на русские уkraine.

Русское посольство задержалось в Черкасске, ожидая прибытия крымских послов. Наконец, в марте 1668 года они прибыли в Азов и по размене аманатов съехались в Черкасске. При переговорах о мире главные требования со стороны крымцов состояли в том, чтобы российский государь уступил Польше запорожских казаков, выплатил хану большие поминки, и запретил донским казакам производить набеги на турецкие провинции и крымские улусы. Подобные условия были неприемлемы для российских посланников и переговоры о мире были прекращены.

Не смотря на срыв переговоров, Алексей Михайлович отправил на Дон грамоту. В ней он запрещал донским казакам совершать морские и конные походы на Крымские улусы и турецкие владения. Казаки были не в восторге от подобных запретов. Однако из-за противостояния Войска с Разиным, казакам было не до крупных походов против турок и татар.

Пока разворачивались эти события, свою игру повёл с Войском Донским гетман Запорожской Сечи Брюховецкий. Соблазненный посулами правобережного гетмана Дорошенко и некоторых украинских епископов, он решил изменить России. Зная о мятеже, поднятом Степаном Разиным, он решил, что найдёт в лице донских казаков единомышленников, и потому отправил в Войско свою грамоту, надеясь ввести их в заблуждение. Он предлагал «донскому рыцарству» присоединиться к действиям против московского царя, обосновывая это смещением патриарха Никона и якобы склонением московского двора к католической ереси: «... верховнейшего пастыря своего, святейшего отца патриарха, свергли, не желая быть послушными его заповеди; он их учил иметь милость и любовь к ближним, а они его за это заточили; святейший отец наставлял их (москвичей), чтобы не присовокуплялись к латинской ереси, но теперь они приняли унию и ересь латинскую, ксендзам в церквах служить позволили, Москва уже не русским, но латинским письмом писать начала...». Своё послание гетман заканчивал вопросом: «Произвольте того ради вы, братья моя, рассудит: вще ли христиански поступает Москва?». Однако Войско Донское не вняло призыву мятежного гетмана, так как знало реальное положение дел в Российском государстве.

1669 год

Всю зиму 1668—1669 г. Разин находился на о. Сари, совершая лишь незначительные набеги на побережье. Желая пополнить свои заметно поредевшие ряды, атаман начал размен пленниками, требуя за одного перса по 3 – 4 христианина. Однако в частных, хотя и победоносных сражениях число казаков непрерывно таяло и им становилось всё трудней отражать неприятелей. Видя это, Разин отправляет к персидскому шаху казачье посольство, с тем, чтобы просить у него разрешения поселиться на Куре, обещая Аббасу служить верой и правдой всем своим войском. По всей видимости, это посольство должно было тянуть время до наступления тепла. Но шах, узнав о прибытии казаков, счёл себя оскорблённым, а посольство недостойным своей особы. Прибывших казаков он велел схватить и заточить в тюрьму, заковав в железо. Один из разинских посланцев был затравлен собаками в присутствии русского посланника, подьячего Наума Колесникова, который в то время был в Исфахане и вёл все посольские дела после смерти другого русского посланника англичанина Томаса Брейна.

Об этих событиях Колесников, в своей отписке в Москву, писал так: «... при нём, Науме, привели к нему Ихтому Давлетю, на двор 18 человек казаков перекованных. И Ихтомо Давлет спрашивал тех казаков при нём, Науме, порознь, для чего они в государства шахова величество войною приходили и не по указу ль царского величества. И казаки де ему сказали, что они царскому величеству изменили и город Яик взяли, и ратных людей многих побили, и в шахова величества государство войною ходили собою. И распрося де тех казаков, послал их Ихтомо Давлет в тюрьму. Да в тех же де казаках шесть человек присланы были от вора Стеньки к шахову величеству в послех с тем, чтоб шахова величества велел ему жить в своём государстве на реке Куре, и он учнёт его шахову величеству служить. И тем де казакам отказано, и перекованы они с теми ж казаки. И на завтрее де того они, одного казака из них выбрав, при нём, Науме, затравили собаками».

Весной 1669 г. Степан Разин покинув остров Сари, устремился к восточному, ещё не разграбленному берегу Каспийского моря. Там он принялся разорять и жечь «трухменские улусы. Но здесь разинцы встретили ожесточённое сопротивление туркмен. Разину так и не удалось закрепиться на побережье, потеряв в боях атамана Сергея Кривого и многих казаков, Степан Разин смог укрепиться на Свинном острове и стал совершать с него набеги на побережье. Персидский шах, пытаясь пресечь опустошительные вторжения в свои владения, в июле 1669 г. отправил против казаков свой флот с 4000 войска, под командой Менеды хана. Однако у Свинного острова персидский флот был окружён казачьими стругами, учинившими настоящее побоище. В ходе которого спаслось лишь три персидских корабля. На одном из них и бежал Менеды хан, а вот его сын и дочь попали в плен. Но и казаки понесли серьёзные потери в этом сражении.

В русских источниках, этот эпизод описывается так: «... приходили к тому острову на них боем Астаринский Мамедхан, а с ним шаховых и наёмных людей Кумычан и Черкас горских в 50 сандалах с 3700 человек, и на том де бою воровские казаки Стенка Разин с товарищи того хана и шаховых ратных людей побили, и пушки и ружьё поимали, а сына де его Шабалду в полон взяли, ... а ушли де от них шаховы немногие люди только в трёх стругах; а иных де воровских казаков на том бою побито и в зимовье до весны померло с 500 человек».

Пресытившись добычей и кровью, Разин решил возвратиться на Волгу, не ожидая когда шах пришлёт против них более сильный Флот. Кроме того у казаков ощущался недостаток хлеба, а потеря 500 человек в последнем сражении, была невосполнима. Вначале казачий флот подошёл к крепости Терки, а оттуда отплыл в Астрахань, куда прибыл в июле 1669 г. и стал лагерем на островах Четыре бугра.

Приплывшие из низовий Волги, стрелецкий голова Василий Пасынков, ездивший в Терки за шёлком сырцом, и персидский купец Кулибек, сообщили: «... воровские казаки Стенка Разин с товарищи, идучи от Волского устья к Четырём Буграм, их встретили, и взошед на бусу шаховы купецкие все товары и всякие пожитки пограбили и купчина сына Сахамбета с бусы взяли с собою».

Узнав об этом, астраханский воевода, князь Прозоровский, сменивший на этом посту князя Хилкова, выслал против них 37 больших стругов с 4000 стрельцов, под командой князя Львова. Те внезапно подступили к островам и высадились, готовясь к бою. К этому времени у Разина осталось 600 казаков, изнурённых походом и страдавших от недостатка припасов. В последнее время казаки питались одной кониной, перехватив посольский караван персидского шаха к русскому царю. Увидев готовых к бою стрельцов, Разин не стал рисковать фантастической добычей, взятой казаками в Персии и бежал со своими сподвижниками в море. Воевода Львов гнался за ними 20 вёрст, но настигнуть их так и не смог. Тогда он послал казакам милостивую грамоту, где им от имени царя было обещано прощение если они оставят воровство и вернуться в свои городки. Став в море на якоря, князь пропустил разинцев в Волгу, после чего заблокировал устье.

Получив грамоту, Разин использовал этот счастливый случай. Он отправил к князю Львову двух казаков, с прошением от него и всех его сподвижников к царю, и о его милости. Как говорится: повинную голову меч не сечёт: «Всё Войско бьёт челом, чтоб великий государь пожаловал, велел вины их отдать и отпустил на Дон с пожитками, а мы за свои вины рады великому государю послужить и головами своими платить, где великий государь укажет, пушки, которые мы взяли на Волге в судах, в Яицком городке и в шаховой области, отдадим, служилых людей отпустим, а струга и струговые снасти, отдадим в Царицыне».

Князь Львов, не желая проливать кровь, с одной стороны, и желая прекратить разбой разинцев, с другой стороны, решил снять с себя ответственность и переложить решение этого вопроса на плечи Алексея Михайловича. Как оказалось, позже, эта нерешительность стала роковой как для самого князя Львова, так и для многих волжских городов. Вместо того, чтобы истребить горсть измученных казаков, воевода велел казачьей флотилии двигаться вслед за ним в Астрахань. Более подробно о перепитиях этих переговоров мы узнаём из московской грамоты Разину: «... воевода князь Семен Львов и с ним великого государя ратные люди на взморье вас сошли и обступили, и хотели побить; и ты, вор Стенька, с товарищи видя над собой промысл в. государя ратных людей, прислали к нему, князь Семёну двух человек выборных казаков, и те казаки били челом великому государю от всего войска чтоб великий государь пожаловал, велел все ваши вины отдать, а вы те свои вины обещались ему, в. государю служить безо всякие измены и меж великим государем и шаховым величеством ссоры и заводов воровских ни где ни каких ни чинить, и вперёд для воровства на Волгу и на море не ходить; и те казаки на том на всём крест целовали. А к великому государю к Москве прислали о том бить челом великому государю казаков Лазарку и Мишку (Лазаря Тимофеева и Михаила Ярославцевым) с товарищи сем человек знатно обманом».

Разин, видя колебания и нерешительность царских воевод, воспрял духом и осмелел до того, что стал требовать от князя Прозоровского, для себя и своих казаков, знатной встречи в Астрахани. На что получил решительный отказ, так как подобная встреча вчерашних разбойников и воров, была оскорбительна для князя и являлась «порухой» его чести. Тем временем разинцы поднялись по Волге до Астрахани и обосновались на острове, в получасе езды от города. 25 августа 1669 г. Разин в сопровождении атаманов и старшин прибыл в город, где в приказной избе астраханского воеводы, положил перед Прозоровским бунчуки и знамёна, передал часть пленных персов. Сына персидского купца Кулибека, Сухамбета, казаки отдали за выкуп в 5000 рублей.

Он объявил, что казаки, захваченные у стрельцов пушки, отдадут и самих служилых людей отдадут без задержки. Кроме этого Разин бил челом воеводе, прося его ходатайствовать перед царём о прощении их вин и отпуске на Дон. В результате этого в Москву была отправлена легковая станица во главе со знатными старшинами: Лазарем Тимофеевым и Михаилом Ярославцевым, с челобитной к государю. Очевидно, Степан Разин был хорошим актёром. Ни кто из воевод и астраханских чиновных людей, не заподозрили его во лжи и вероломстве. Прозоровский похвалил казаков и атаманов за их подвиги и победы над басурманами, и за их намерение далее служить государю верой и правдой.

Прибывших в Москву казачьих выборных старшин расспрашивали в Посольском приказе, пытаясь доискаться до причин казачьего «воровства»: «Пошли вы с Дону на такое воровство, и то учинили, забыв страх божий и великого государя крестное целование: так теперь скажите правду – на такое воровство где у вас учалась мысль. И кто у вас в той мысли в заводе был». На это старшины отвечали: «На Дону нам началась быть скудость большая, на Чёрное море проходить стало нельзя: сделаны турецкими людьми крепости, и мы, отобравшись охочие люди, пошли на Волгу, а с волги на море, без ведома войскового атамана Корнилы Яковлева, а начальний человек к тому делу был у нас Стенька Разин».

По царскому указу казакам были сделаны выговоры о их винах. В искупление их, они были отправлены на службу в Астрахань. Но по пути туда, в пензенских степях, за рекой Медведицей, казаки перебили сопровождавших их россиян и забрав их лошадей, ушли на Дон.

Тем временем князь Прозоровский потребовал от Разина выдачи пушек, всех пленных персов, всех захваченных казаками персидских товаров и переписи всех казаков. На это атаман отвечал: «Товары у нас раздуванены, после дувану у иных проданы и в платье переделаны, отдать нам ни чего нельзя... полон в шаховой области взят у нас саблюю, много нашей братьи за тот полон побиты и в полон взяты, и в разделе один полонянин доставался пяти, десяти и двадцати человекам. А что нас переписывать, то переписка казакам на Дону и Яике, и ни где по нашим казачьим правам не повелось». Из 41 пушки, бывших у казаков, Разин отдал 21, оставив 20, пояснив воеводе: «Эти пушки надобны нам на степи, для проходу от крымских, азовских и всяких воинских людей, а как дойдём, то пушечки пришлём тот час же».

Но это был обман и пустая отговорка со стороны казаков. Князь Прозоровский всё понимал, но боялся большой крови и буйства, не только со стороны казаков, а и со стороны стрельцов и астраханских жителей. Поэтому он не осмелился взять пушки силой, не надеясь на верность присяге своих подчинённых и горожан.

Всё это было связано со следующими обстоятельствами. Как только казачьи струги подошли к Астрахани и казаки обосновались на острове, к нему стали стекаться толпы торговцев и праздных зевак. Казаки стали за бесценок распродавать свой дуван и ясырь. Толпы казаков, в свою очередь, заполнили улицы Астрахани.

Голландец Ян-Янсен Стрейс, бывший в то время в Астрахани, так описывает пребывание разинских казаков в городе: «Казаки остановясь на острове близ Астрахани, ежедневно приходили в город одетые в кафтаны бархатные, шёлковые или из золотой парчи, и продавали на рынке за треть цены за шёлк, золотые вещи и разные драгоценности, награбленные ими во время поисков. Некоторые носили на шапках жемчуг и драгоценные камни. Однажды капитан Бутлер приказал нам приготовить шлюпку, чтоб ехать навестить Стеньку Разина. Он взял с собою два штофа водки для поднесения одного предводителю казаков, а другого главному его советнику, которого русские называли Чёртовым Усом. Когда мы подошли к его шатру, он велел спросить нас, что мы за люди. Мы отвечали: немцы из голландской земли, находимся в службе его царского величества на корабле „Орле“ и пришли поклониться ему двумя штофами водки. Стенька сидел в шатре своём с Чёртовым Усом и ещё несколькими казаками. Он милостиво принял наши подарки, посадив нас, выпил за здоровье его величества. Мы ему отблагодарили тем же; и как он не вступал в дальнейшие разговоры, то и мы откланя-

лись. Он велел однако ж сказать нам, что будет нам рад во всякое время. Другой раз мы его видели на шлюпке раскрашенной и отчасти покрытой позолотою, пирующего с некоторыми из своих подчинённых. Подле него была дочь персидского хана, которую он с братом похитил из родительского дома во время своих набегов на Кавказ. Распалённый вином он сел на край шлюпки и задумчиво поглядывая на реку, вдруг вскрикнул: „О Волга славная! Ты доставила мне золото, серебро, разные драгоценности, ты меня возглядела и вскормила, ты начало моего счастья и славы, а я неблагодарный ни чем ещё не воздал тебе. Прими же теперь достойную тебе жертву“. С этими словами он схватил несчастную персиянку и бросил её в волны. Впрочем Стенька приходил в подобное иступление только после пиров, когда вино затемняло в нём рассудок и воспламеняло страсти».

Однако добровольное смирение Разина, и обещание его верно служить царю и отечеству, было притворным и не искренним, но пока он усилием смирал кипевшие в нём страсти. Справедливо рассудив, что воевода Прозоровский не предпримет против него и его вольницы, ни каких решительных действий, он стал открыто призывать стрельцов и астраханских жителей переходить в свой стан, щедрой рукой разбрасывая золото и серебро по городским улицам. Стрельцы, поражённые его щедростью и богатством, стали во множестве переходить к казакам, бросая службу и пополняя поредевшее войско Разина.

Видя разлагающее действие разинской ватаги, князь Прозоровский решил избавиться от столь опасного соседства и его пагубных последствий. Он потребовал от Разина его скорейшего ухода на Дон и выдачи беглых стрельцов. Для этого в казачий стан был послан капитан Виндерос. В случае если атаман заупрямится, ему было велено угрожать тому царским гневом и опалой. Разин, услышав требование воеводы, пришёл в негодование. Красочное описание этого события, мы находим в рукописи упоминавшегося выше голландца Стрейса:

«В Астрахане, через улицу ходя (Стенька) золотых бросал, тем же он многих государевых служилых людей к себе привлёк; воевода боярин князь Иван Семёнович Прозоровский о том ведая, капитана Вендероса к Стеньке послал и ему сказать велел, чтоб он государевых людей тот час отдал, и то отрицая снова быть в государственной опале и гнѣве. Капитан, повеление своё управляя, немного, что саблями на части не срубили. Стенька ему такой ответ дал, – как ты мне смеешь такое недостойное прошение предложить, чтоб из приятелей моих, которые добровольно со мною ходят, изменил, и сверх того грозил мне государевою немилостью, скажи господину своему Прозоровскому, что я скоро к нему приду, и тогда увидим, кто мне укажет; он мне яко холопу своему повелевает».

Однако Разин понимал, что задерживаться у Астрахани не стоит. Отдохнув, залечив раны и пополнившись новыми бойцами, казачьи ватаги двинулись вверх по Волге, к Переволоке, продолжая по ходу движения буйствовать, грабить и бесчинствовать. Царицынский воевода Унковский вышел на встречу казакам, желая прекратить их разбои. Но бывшие при нём стрельцы, при столкновении с казаками, отказались с ними сражаться. Взятый в плен Унковский был избит до полусмерти и обещан самим Разиным. Многие царицынские жители были ограблены и избиты. Стрелецкий сотник, вѣзший в Астрахань государевы грамоты, был так же избит и ограблен. На требование подроспевшего воеводы Леонтия Плахова, прекратить воровство и выдать беглых стрельцов, Разин и его сподвижники, отвечали: «У казаков того не повелось, чтоб беглых людей выдавать».

Переволокшись на Дон, Разин обосновался в Кагальницком городке. Обосновавшись в нём, мятежный атаман ещё больше укрепил городок: углубив ров и подсыпав валы. На валах были установлены пушки, которые Разин, вопреки обещанию, так и не вернул воеводам. Своё войско атаман распустил по домам, для свидания с родственниками и исполнения своих обязательств перед кредиторами. Зачастую у голутвенных казаков не было денег для того, чтобы отправиться в поход. По донским обычаям старожилые, домовитые казаки или русские торговые люди ссужали голытьбу оружием, боеприпасами, снаряжением и продовольствием, с усло-

вием, что по возвращении, половину своей добычи тот отдаст кредитору. Приставшие к Разину стрельцы, остались зимовать в Кагальницком городке.

Тем временем, по Дону, Днепру и всей России, уже ходили весьма преувеличенные слухи о победоносном походе Разина, сказочно обогатившем его участников. Взятая казаками добыча поражала воображение, и войско Разина быстро пополнялось добровольцами. В основном это были выходцы из верховых городков, волжские гулятьи, запорожские казаки, а так же весь прочий наброд пришедший искать счастья на Тихом Дону. Но для содержания большого числа бойцов, требовались большие запасы продовольствия, которого не было. Для того, чтобы решить эту проблему Разин пошёл простейшим путём: он велел останавливать и перехватывать все суда с товарами и припасами, плывшими в Черкасск и другие низовые городки. Делалось это под тем предлогом, что если азовцы или крымцы нападут на Черкасский и другие городки, то он, Разин, придёт со всем своим войском на отражение неприятелей.

К ноябрю 1669 г. у Разина вновь скопилось свыше 2700 бойцов готовых на всё. Многие из них получили оружие и запасы лично от атамана и обязаны ему. Но мало кто из них знал, куда дальше Разин бросит свои полки. Но появились и первые тревожные симптомы; часть казачьей старшины и домовитых казаков, недовольных анти московской политикой, не пришли к нему в Кагальник. Ещё одна часть казаков, решив более не испытывать судьбу под командой непредсказуемого атамана, откололась от разинцев и ушла в урочище Кара-Чулпан, на реке Маныч, где основала ряд хуторов. В 1875 году, после их посещения Великим князем Николаем Николаевичем, по повелению Императора Александра 2, на их месте была основана станица Великокняжеская, впоследствии переименованная в Пролетарскую.

1670 год

Всю зиму 1669 – 1670 г. С. Разин, не имея решительного перевеса по отношению к войсковым атаманам Яковлеву и Самаренину, бездействовал, рассылая своих сторонников по казачьим городкам сходитья весной 1670 г. в Кагальницкий городок и постоянно угрожал Главному Войску и верным Москве атаманам и казакам. На Дону, как когда-то в России, установилось смутное время и двоевластие, когда ни одна из сторон не могла рассчитывать на успех. Москва, со своей стороны требовала от Войска Донского усмирить воров, чего-то не могло сделать в принципе.

Атаманы Яковлев и Самаренин, лишь требовали от С. Разина и его сподвижников прекратить воровство и повиниться перед государем, не в силах с ними справиться. Разин же, не собиравшийся этого делать, приходил в негодование и затаил злобу за робкие попытки черкасских атаманов воспрепятствовать казакам уходить на Волгу, и к нему в Кагальник. Он угрожал им расправой и смертью, но пока медлил, видя, что время для решительных действий не пришло.

Приехавшим в Главное Войско, для ведения переговоров о заключении мира азовцам, Корнилу Яковлев и верные Москве атаманы и казаки, отказали в перемирии. В Москву же была послана легковая станица с отпиской: «Приехали в Черкасск из Азова присыльщики для заключения перемирья». В которой казаки прямо объявили причину отказа: «... приехал Стенька Разин с товарищами, и если мимо нас сделает над Азовом какое дурно, то вы нам казакам вперёд, ни в чём верить не станите». В конце ноября, в начале декабря 1669 г. из Войска была отправлена станица атамана Ивана Аверкиева с отпиской, где приводились угрозы Разина.

Зимой 1670 г. Степан Разин, с частью верных ему казаков прибыл в Черкасск, где произошла его встреча атаманом Яковлевым, который стал уговаривать крестника «отстать от воровства», распустить казаков и разоружиться. Но «дорогой крестник», видя нерешительность крёстного отца, обвинил атамана в измене «казацкому» делу и попытался с ним расправиться. Но сила оказалась не на его стороне и казаки, верные Войску и его атаману, скрутили Разина и его сторонников. Взяв мятежного атамана, Яковлев так и не решился пролить казачью кровь и выдать его царю. Хотя за послушание Главному Войску и его атаману, и фактическую измену, Степан Разин по войсковому праву подлежал смертной казни. Призвав крестника образумиться, Яковлев отпустил Разина.

Но вместо благодарности, Степан затаил ещё большую злобу на крёстного отца и продолжил призывать донцов «известь изменников бояр». В апреле 1670 г. в Черкасск прибыл царский посланник, жилец Евдокимов. Чтобы выяснить, есть ли на Дону, какие либо «шатости», а если есть, то, что делает старшина, чтобы унять «заворовавшуюся» голытьбу. Посланник привёз государеву грамоту, которая была торжественно зачитана в Кругу: «Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович... велел всех вас, атаманов и казаков спросить о здоровье...». Казаки остались весьма довольны царским вниманием, благодарили царя за обещание прислать Войску жалованье.

Через два дня, казаки вновь сошлись в Круг, чтобы выбрать легковую станицу в Москву, повезущую войсковую отписку, с которой и должен был возвращаться в столицу Герасим Евдокимов. Но в это время в Черкасск вновь прибыл Степан Разин, с сильным отрядом своих сторонников. Явившись вместе с ними в Круг, Разин спросил казаков, куда и по какому поводу они выбирают станицу. Узнав, что станицу выбирают в Москву, для отправки войсковой отписки с жильцом Евдокимовым, он спросил посланника, от кого тот прислан на Дон, от царя или бояр? Евдокимов ответил, что прибыл от государя с милостивой грамотой на Дон, к войску Донскому.

Разин, недовольный независимым видом и словами посланника, объявил его боярским лазутчиком и стал нещадно избивать, понося последними словами. Не удовольствовавшись этим, он велел верным ему казакам «... посадить Герасима в воду», то есть утопить его в реке. Корнила Яковлев, попытавшийся воспрепятствовать убийству царского посланника и унять разъярённого крестника, сам едва не лишился жизни. Пригрозив ему «смертным убийством», Разин заявил: «...ты владей своим Войском, а я де владею своим Войском».

Избитого посланника, казаки посадили в мешок и бросили в Дон. Бывших с ним служилых людей, разинцы избили и взяли под стражу. Корнила Яковлев, сам не чая остаться в живых, едва унёс ноги с майдана. Вместе с другими атаманами и старшинами, выступившими против Разина, он заперся в церкви. Тот же обосновался в Черкаска, наводя свои порядки и убивая казаков, смеявших ему перечить. Многие знатные старшины были умерщвлены и брошены в реку без захоронения. Всех священников Разин велел изгнать из Черкаска с побоями и запретил отстраивать сгоревшую церковь.

Впоследствии, после подавления мятежа и поимки Разина, московское правительство и церковь припомнили атаману его безбожные деяния и богохульства: «А во 178 году (1670 Г.) ты ж, вор Стенька Разин, с товарищи, забыв страх божий, отступя от святыне соборные и апостольские церкви, будучи на Дону и говорил против спасителя нашего Иисуса Христа всякие хульные слова и и на Дону церковей Божьих ставить и ни какого пения петь не велел, и священников с Дону сбил, и велел венчаться около вербы (по языческому обряду). Да ты ж, вор, забыв великого государя милостивую пощадку, как тебе и товарищам твоим вместо смерти живот дан, и изменил ему великому государю, и всему Московскому государству, пошёл на Волгу для своего воровства и старых донских казаков, самых добрых людей переграбил, и многих побил до смерти и в воду посажал, да и жильца Герасима Овдокимова, который послан был на Дон с его, великого государя милостивою грамотою к атаману Корней Яковлеву и к казакам, убил же и в воду посадил».

Бывший в то время на Дону во главе царских полков воевода Иван Хвостов, попытавшийся пресечь бесчинства, жестоко поплатился. Разин в неистовстве избил его до бесчувствия и ограбил, отчего тот вскоре скончался. Где угрозами, где щедрыми посулами и подарками, Разин собрал под свои знамёна многих казаков, и призвал их, собрав в Круг, идти на Волгу: «... в Русь, чтоб из Московского государства вывести изменников бояр и думных людей, и городских воевод и приказных людей... черным людям дать свободу».

С поддерживающими его казаками, Разин ушёл в Кагальницкий городок. Куда толпами стали стекаться беглые крестьяне и посадские люди из русских порубежных городов. Все попытки старожилых казаков воспрепятствовать буйному атаману, жестоко им пресекались: «Несколько добрых казаков возвысили свой голос и отвели донской воды». Нужно полагать, их утопили, как и Евдокимова. Но этих злодеяний Разину, показалось мало, и он, сам являясь старовером раскольником, стал преследовать священников в казачьих городках и изгонять их с Дона, объявив их «царскими богомольцами». И это при том, что многие священники, выбиравшиеся Кругом из казачьей среды. Многие старожилые казаки, недовольные политикой Разина, стали постепенно переходить в Главное Войско, для противодействия ему.

Однако Степан Разин имел поддержку не только среди голутвенного казачества, беглых крестьян и посадских людей. Многие служилые люди, и не только рядовые стрельцы и городовые казаки, поддерживали его в украинских городах. Так лично знакомый с Разиным острогожский полковник Дзиньковский, разделял его взгляды и весной 1670 г., тайно посылал в Кагальницкий городок хлеб мёд вино и порох, обещая поддержку.

Вскоре после прихода Разина в Кагальницкий городок, к нему присоединился известный верховой атаман Василий Ус, приведя кроме казаков толпы беглой гольтепы. Всего собралось около 7000 человек. Однако запас продовольствия закупленный и захваченный в прошлом году, подходил к концу, и кормить всю эту буйную ораву, было нечем. Что грозило голодом

и взрывом недовольства всех этих толп, жаждущих воли и богатства. Для того чтобы удержать их в повиновении и удовлетворить жажду наживы, нужна была война. Вновь созвав своих сторонников в Круг, Разин снова призвал их «з бояры повидаса». Он объявил, что «... идёт судами и конями в Царицын».

Часть наиболее благоразумных сторонников мятежного атамана, участников Персидского похода, не поддерживали атамана и откололись от него. Это произошло по ряду причин. Одно дело погромить и пошарпать персидские берега и походя разбить государевых служилых людей. И совсем другое дело, разорять и грабить города России. Кроме того Турция и Крым, резко усилили экспансию в Причерноморье и при содействии гетмана Дорошенко, захватили часть украинских земель. В любой момент турки и татары могли вторгнуться на Дон, двоевластием и смутой в Войске, и истребить своего злейшего врага – донское казачество.

Дальновидные старшины прекрасно понимали, что рано или поздно, царь двинет на Дон отборные войска для подавления мятежа и тогда казаки окажутся между молотом и наковальней мусульманского мира и Москвы. К тому же после усмирения вольницы Степана Разина, донцы могли потерять многие свои вольности. Однако Разин не задумывался над этим, он горел жадой мести и не думал о возможных последствиях своего пагубного шага.

Выйдя из Кагальницкого городка, Разин двинул свои войска к Царицыну, желая захватить этот город и сделать его своей опорной базой на Волге. Среди его бойцов было много пеших, что сковывало действия повстанцев. Для того, чтобы решить эту проблему, атаман приказал своей коннице погромить улусы едисанских татар, кочевавших в 30 верстах от Царицына, и отогнать у них лошадей. Внезапно напав, казаки погромили многие кочевья, захватив сотни пленных и табуны лошадей. После этого Разин осадил Царицын, разослав по окрестным селениям гонцов, с призывом к крестьянам, истреблять своих помещиков и идти к нему.

Тем временем осада Царицына продолжалась. Разину нужно было во чтобы то не стало его взять. Ведь отсюда было легко сообщаться с Доном, откуда к нему приходили подкрепления, сюда стекались все поволжские гультяи. К тому же в городе было много стругов и других судов, без которых на Волге нельзя было оперативно действовать. На крепостных стенах располагалось большое количество пушек, так же необходимых атаману. В городе находились большие запасы продовольствия и боеприпасов: пороха, свинца, ядер, имелась богатая казна. Кроме этого в Царицыне Разин рассчитывал привлечь на свою сторону многих стрельцов и городских казаков. Жители города, терпя нужду, просили у казаков позволения выгонять скот на пастбище. Однако атамана Ус, непосредственно руководящий осадой, отказал царицынцам, посоветовав открыть городские ворота.

Но воевода был настроен решительно и пригрозил горожанам расправой. Разин же, не желая штурмовать сильнейшую крепость, решил действовать хитростью. Для исполнения задуманного им плана, он отправил в город отряд перешедших на его сторону стрельцов, под видом присланного подкрепления. Воевода Тимофей Тургенев, не почуяв подвоха, впустил их в город, за что впоследствии жестоко поплатился. Ночью мнимые государевы стрельца разоружили караулы и распахнули перед разинцами крепостные ворота и те ворвались в город.

Воевода с горстью верных присяге стрельцов, отчаянно защищался, укрывшись в городской башне, вместе с племянником и слугами. Потерпев неудачу на приступе, Разин отвёл казаков, блокировав башню. Тем временем в городе начались пиры и попойки победителей, после чего Разин бросил изрядно подвыпивших казаков на штурм башни. После короткого, но кровавого боя воевода Тургенев со своими людьми был взят в плен и казнён на берегу Волги. Всех их кололи пиками, рубили саблями, после чего бросили в реку. Пометав в воду тела Воеводы и стрельцов, казаки разграбили стоящие у причалов суда с казнёнными и купеческими товарами и провиантом.

Укрепившись в Царицыне, Разин в Кругу объявил, что пойдёт на Москву, против предателей бояр. Но тут стало известно, что из Астрахани, на помощь воеводе Тургеневу и раз-

гона воровских казаков, выступило 1200 московских стрельцов, под командой стрелецкого головы Ивана Лопатина. Разин тот час двинулся навстречу стрельцам судовой и конной ратью и атаковал их, имея 5000 бойцов. Атакованные с двух сторон стрельцы, стойко отбивались от наседавших казаков и гулятьев. Иван Лопатин, видя, что им долго не продержаться против вчетверо превосходящего врага, решил пробиваться к Царицыну, в надежде на помощь его гарнизона, не зная о его захвате. Это предreshило роковой исход. Город встретил стрельцов убийственными пушечными залпами и общей атакой разинских ратей. В побоище погибло свыше 500 стрельцов. Оставшихся в живых, Разин принудил стать гребцами на своих стругах.

Обо всех этих событиях можно узнать из обвинения выдвинутого Разину, после его выдаче Москве: «Ты ж, вор Стенька, пришед под Царицын, говорил царицынским жителям и впустил воровскую лесть, будто их царицынских жителей, ратные люди по государеву указу посланы были на Царицын им же на оборону; и царицынские жители по твоей прелести своровали и город тебе здали; и ты, вор воеводу Тимофея Тургенева и царицынских жителей, которые к твоему воровству не пристали, побили, посовав в воду, ходил против ратных людей, которые шли на службу великого государя на Царицын с головою стрелецким с Иваном Лопатиным и с полуголовою с Фёдором Яксиным, и с ними бился, и обманом их побил, и голову стрелецкого Ивана Лопатина и сотников, и десятников, муча разными муками, посажал в воду, и с насадов великого государя хлебные запасы и промышленных людей всякие товары поимал».

Астраханский воевода, князь Прозоровский, получив известие о подходе Разина к Царицыну, 10 апреля 1670 г., выслал для усиления городского гарнизона 400 рейтар и 400 нагайских татар, под командой Леонтия Плахова. Однако те, из-за стремительно развивающихся событий, подошли к Царицыну после его взятия и начавшейся там резни. От захваченных у города казаков, Плахов узнал о истреблении 1200 московских стрельцов: «... бунтовщики казаки город Царицын взяли и в том месте 1200 московских стрельцов убили и в Волгу бросили; а иные вести пришли, что степные татары между собой войну имеют».

Все эти события заставили Леонтия Плахова спешно возвращаться к Чёрному Яру, послав гонцов к князю Прозоровскому с известием о намерении Разина двигаться к Чёрному Яру. Получив столь тревожные известия, Прозоровский собрал совет в доме астраханского митрополита Иосифа. На нём было решено выслать навстречу воровским казакам князя Семёна Львова, под начало которого было дано 2600 стрельцов, которыми командовали: «... полковником был Иван Русинский, полуполковник Яков Виндронг и иные начальники иноземцы: капитан Павел Рудольф с пасынком своим Людовиком Фабрициусом, капитан Роберт Бейн, капитан Николай Шак».

Войска вышли из Астрахани 25 мая на 40 стругах, имея по одной медной пушке на струге и прочие запасы. 4 июня 1670 г. флотилия князя Львова подошла к Чёрному Яру. Однако город был уже захвачен разинцами, и там уже всю шла резня оставшихся верными царю служилых людей и дворян. Большинство черноморских стрельцов и рейтар, изменили присяге и присоединились к Разину. Черноморский воевода Иван Сершевский, стрелецкие головы и сотники были казнены, а их имущество разграблено. Астраханские стрельцы так же оказались ненадёжными, и тот час предали воеводу. Взбунтовавшись, они перебили иноземцев и своих начальных людей, сохранив жизнь лишь князю Львову, которого передали Разину. Тот же, после обычных пыток и издевательств, казнил воеводу.

На следующий день, 5 июня, в Астрахань с печальным известием о предательстве стрельцов, прибыл сотник Данила Тарлыков, чудом избежавший смерти: «Того ж году июня в 5 день приезжал в Астрахань коньми с Чёрного Яру астраханский сотник Данила Тарлыков с черноморскими стрельцами и возвестил боярину, что астраханские стрельцы и всякие конные служивые на Чёрном Яру изменили, предалися к вору Стеньке и голов стрелецких и сотников, и всяких чинов людей, кои не предалися, побили, токмо жива оставили князя Семёна Ивановича Львова».

Известие о случившемся в Царицыне, и в Чёрном Яру, вызвало сильное брожение умов астраханских обывателей и стрельцов. Посыльщики Разина, тайно проникая в город, смущали их умы щедростью атамана, его братскими отношениям с рядовыми казаками, полководческими талантами и удачливостью. Пеняя при этом воеводской строгости и надменностью его дворян и приказных людей. Недовольство князем всё возрастало, но похоже это его не волновало.

У него были другие проблемы. В Москву было необходимо отправить отписку с известием о всё более расширяющемся восстании под предводительством С. Разина. На совещании у митрополита Иосифа, было решено отправить отписку с гонцами, через крепость Терки. Так как незадолго до этого в астраханских степях вспыхнул пожар междоусобицы: «... в то время на степи у чёрных калмыков с волжскими калмыками и у едисанских мурз Большого и Малого Нагаю с енбулаками междоусобие великое и сеча была, и степью никоими делы проехать не мочно». На совещании было решено отправить в Москву, счастливо спасшегося сотника Данилу Тарлыкова с двумя стрельцами, Ивана Караулова с товарищем, и пятью юртовыми татарами. Они должны были через Терки попасть на Дон, а оттуда отправиться в Москву. Однако гонцов всю дорогу преследовали несчастья. Во время переправы, сотник Тарлыков утонул, а остальных настигли преследовавшие их разинцы, изрубив часть из них.

Тем временем в Астрахани обстановка накалилась до предела. Толпы горожан и стрельцов, прельщённые разинскими посланниками, в любой момент могли поднять мятеж, на подавление которого у воеводы не было ни сил, ни средств. Одним из поводом для возмущения, стала задержка стрелецкого жалованья, из-за отсутствия в казне денег, в связи с грабежами и разбоями на Волге и во всём крае. На это и стал ссылаться Прозоровский, обвиняя во всём Степана Разина. Он призывал стрельцов «... изменника Стеньку Разина не слушать и радеть бы великому государю, и град Астрахань оберегать, а на его изменнику прелесть не полагаться». Однако стрельцы, подстрекаемые разинскими лазутчиками, слушать воеводу и требовали денег.

Видя, что стрельцы готовы взбунтоваться, митрополит Иосиф, дал от себя 600 рублей и от монастыря 2000 рублей: «... даде от себя келейных своих денег 600 рублёв, да с Троицкого астраханского монастыря взято 2000 рублёв, и все те деньги розданы астраханским стрельцам в жалованье за четыре дни до взятия Астрахани от Стеньки Разина с товарищи». Но эти деньги уже не могли спасти положение. Астраханцы активно сносились с ватагами разинцев, готовые ему предаться в любой момент.

Воевода Прозоровский, тем временем не терял надежды отразить Разина, но видя ненадёжность стрельцов, доверил крепостную артиллерию голландцам, составлявших команду большого многопушечного корабля «Орёл», и прочим иноземцам: немцам, англичанам, персам и черкесам. Крепостной артиллерией был назначен командовать капитана «Орла», Бутлер. Устройством и обновлением крепостных валов ведал англичанин Билли. Персидский посол, с отрядом сопровождения, так же должен был оборонять часть крепостной стены. Врат воеводы, Михаил Прозоровский, с оставшимися верными стрельцами, оборонял вознесенские ворота.

22 июня 1670 г. к стенам Астрахани подошёл Степан Разин со своей армией: «Он же боготступник Стенька Разин, вор и изменник, с товарищи пришед под Астрахань и стал у Жареного бугра, и прислал два струга с воинскими людьми к Астрахани и велел стать за рекою у Зелёного городка, а к Астрахани в лодке прислал воздвиженского попа Василия да князь Семёнова человека Львова». прибыв в город, они стали подстрекать астраханских стрельцов к бунту, а капитана Бутлера и прочих иноземцев, не оказывать сопротивления при штурме города. Вскоре они были схвачены людьми Прозоровского, но под пытками ни чего не сказали. По приказу воеводы, попу Василию «заклепали» рот и бросили его в темницу, а его товарищу отрубили голову, в виду казачьих стругов.

Видя непреклонность Прозоровского, Разин велел своим стругам пристать ниже Астрахани, у виноградных садов и разбить там лагерь. Видя грозящую городу опасность, митрополит Иосиф, на совете с воеводой, решили разрыть плотины окрестных прудов и спустить из них воду: «... повелели и с прудов воду испустить на солончик, кругом Белого города, и бе вода около града велика». Затопив прибрежные низменности, воевода затруднил действия разинцев, не нанеся им существенного урона.

Разин тем временем отправил в Астрахань ещё двух нищих «крамольников», но их вскоре задержали персы и доставили в приказную палату, где те, под пытками один из них сказал: «... что похвалился вору Стеньке Разину в приступное время Белый город нощию зажечь». Князь Прозоровский велел их тот час казнить.

Между тем разинцы продолжали готовиться к штурму города: устанавливали пушки и сколачивали штурмовые лестницы. 23 июня Разин велел поджечь Татарскую слободу, чтобы иметь свободное пространство для манёвра. Воевода же готовился к его отражению: собрав у себя стрелецких голов, сотников, пятидесятников и лучших стрельцов, он призывал их, не щадя жизни оборонять Астрахань. После этого, приняв благословение митрополита Иосифа, Прозоровский ушёл на валы и стены города, где непрестанно зывал к стрельцам «... стоять мужественно противы бунтовщиков, представляя им всю низость мятежников, поднявших оружие на своё отечество». Но всё было тщетно, стрельцы не желали сражаться. 24 июня, во втором часу ночи, Разин повёл свои отряды на штурм города у Вознесенских ворот. Приставив лестницы к стенам, казаки и гультяи устремились наверх.

Засевшие в башнях и в «подошвенных боях», пушкари Томилы и иностранные наёмники, открыли по ним жестокий огонь картечью. В других условиях штурм был бы отбит: 460 пушек, мощные стены, крутые валы и многочисленный гарнизон, могли не один месяц сдерживать натиск и более сильной армии. Но астраханские стрельцы и жители подняли мятеж и перебили иностранных пушкарей, и оставшихся верных присяге стрельцов. В городе началась резня. В числе первых был убит брат воеводы, Михаил: стрельцы расстреляли его у крепостной стены. Сам воевода, князь Иван получил тяжёлую рану в живот и был едва спасён стрелецким пятидесятником Фролом Дурой, который принёс его в соборную церковь астраханского кремля куда стали «... прибегаща дьяка и подьячие, и головы стрелецкие и соборные церкви затвориша, чтоб их воров и изменников не пустить».

Тем временем казаки ворвались в город и вместе с мятежными стрельцами и астраханскими жителями продолжили избиение иноземцев и стрельцов, оставшихся верными присяге. Подробности этой резни мы можем узнать из записок голландца Стрейса: «... пришёл к нам полковник англичанин Фома Бапле (Билли) и сказал, что весь город изменён и стрельцы его полку лицо и ноги ему копьём прокололи, потому, что он весь был в латах, и для того невозможно было его до смерти убить, и того ради, что он сказал им, чтоб верно служили и не яко казаки бунтовали».

К полудню 24 июня истребление защитников подошло к концу. Капитан Виндерос был связан своим слугой и зарезан. Капитану Бутлеру повезло больше, видя гибель Виндероса, он решил бросить батарею и бежать с уцелевшим лекарем с «Орла»: «... помятуя, что башнею бойница бывала, что нам можно через ту уйти, дабы наши стрельцы нас всех порубили, я велел лекарю и слуге его и двум матросам за собою идти, и к башне мы пришли, велел я караульщикам нас пропустить, ... из городу из мушкетов крепко по нас стреляли, а в нас не попали, и то уже третий час дня».

Митрополит Иосиф, узнав о ранении воеводы, тот час прибыл в соборную церковь для его утешения и причастия. В церкви, кроме раненого воеводы Прозоровского и других служилых и приказных людей, собрались многие горожане с жёнами и детьми, в надежде найти здесь спасение, от обезумевшей от крови и насилия толпы. Но их надежды оказались тщетными.

Дьяки Табунцов и Фролов, со стрелецкими головами и сотниками, заперли ворота сев в осаду: «... чтоб их воров и изменников не пустить».

Разин, войдя в город, через Пречистенские ворота и житный двор, и узнав об укрывшихся в соборной церкви служилых и приказных людях, приказал ломать двери церкви и избивать укрывшихся в ней. Мятежные стрельцы и казаки стали тот час ломиться в неё: «Прежде реченный же пятидесятник Фрол прозваньем Дура, многих воров резал ножом. Они же вору, сквозь железные двери в соборную церковь стреляша и пищали и за стольким местом у некоей жены убили младенца полутора года... та же пищаль пробило киот пресвятыя владычицы Казанские... Того же пятидесятника Фрола из соборныя церкви похватавше и близь церкви всего изсёкша на части».

Воеводу Прозоровского сбросили с крепостного раската, на землю. Дьяков Романа Табунцова и Елистратия Фролова, стрелецкого голову Алексея Соловцова, сотников, пятидесятников и подъячих изрубили под раскатом, связав им руки. Вскоре погибшие были похоронены в братской могиле у Троицкого монастыря. Бывший при их погребении монах счел 441 убитых. В руках разинцев оказался почти весь город. Лишь в двух башнях ещё оборонялись иноземцы. Персидский посланник Юсуф Ханбек со своей свитой отбил несколько приступов, но видя безвыходность своего положения, решил сдаться на милость победителей. Но тут же был ограблен и убит. Во второй башне засели семь черкесов и два пушкаря, отбивавшихся до тех пор, пока не закончился порох. После чего они, спустившись с башни, попытались уйти в степь, но были настигнуты погоней и изрублены.

Истребив защитников города, Разин начал его разграбление: «... пойде он, вор Стенька Разин с единомышленниками своими в приказную палату, у которые были казна государева, что взята у астраханского воротника Михайла Лаузина золотые червонные ефимки, соболи и котлы, и всякий товар после его смерти, и которые деньги по приводным делам и их боярские дворы и животы, и голов стрелецких, и дворян, и подъячих, и посадских людей дворы их и животы, и в рядах лавках и гостиные дворы русской, гиланской, и индейской, бухарской, все без остатку пограбили и свозили в Ян Горчнев городок ради раздела своего».

Разграблением Астрахани атаман руководил лично. Приказав вначале разграбить приказную палату, дома князей Прозоровских, дьяков и подъячих, стрелецких голов и дворян. Каждый, кто имел богатство и достаток, тот час лишились не только их, но зачастую и жизни: «Той же вор и богоотступник Стенька Разин, езда на коне по граду, за малое нечто людей всякого звания, кто бы ни был, закалая, посекая, а иных в воде и потапляя, и иным же руки и ноги отрубив, оставляя... на съедение».

Видя такую жестокость и безнаказанность в убийствах и грабежах, астраханские жители, перешедшие на сторону Разина, принялись сводить счёты с соседями, грабя, истязая и убивая их: «... збирая круги, и кто у них не послушает, бьют палками и вешают за ноги, и единого повесиша за шею и той умре». Казачьи жёны, ушедшие в поход с мужьями, захватывали дома приказных людей и дворян, изгоняя из них с побоями их семейства.

Разграбив Астрахань, но, не удовлетворившись этим, Разин продолжил казни. Схватив прятавшихся у митрополита Иосифа сыновей воеводы Прозоровского, он стал лично допрашивать старшего сына – Бориса, пытаясь, где деньги собранные таможеней: «Стенька Разин, с товарищи, напився пьян, у кабака стоя, прислал ясаула своего к митрополиту Иосифу и велел взять и перед себя привести князя Бориса Ивановича Большого, приведена же ему, бывшу пред него, нача вопрошати его о таможенных пошлинных деньгах, что де отец твой такими деньгами завладел».

Сын князя Прозоровского на это ответил, что все пошлинные деньги сданы в приказную палату, стрельцам на жалованье, и сданы казначею, подъячему Алексею Алексею, который их выдал служилым людям. Разин велел тот час привести казначея. Тот был сыскан и подтвердил, что воевода денег не присвоил, а роздал всё стрельцам. Кому и сколько, сказал Алексей, то

есть в разрядных книгах. Раздосадованный этим обстоятельством, стал требовать от юноши сведения о имуществе и деньгах их семьи: «И князь дерзновенно рече: «... животы де отца моего вы пограбили, и отдавал те животы казначей наш, а возил их твой ясаул Ивашка Андреев Хохлач». Такой ответ не пришёлся атаману по душе, и он велел повесить сыновей Прозоровского на крепостной стене за одну ногу.

Подъячего Прокофьева, Разин велел «... захватя за ребро, повесить на виселице». На следующий день, Разин приказал бросить под раскат, на съедение воронам, старшего сыны воеводы, а младшего и подъячего, отдал матерям для похорон. После этого атаман продолжил пытки и казни оставшихся в живых дворян и приказных людей. Их жгли огнём, вешали за рёбра. Жён и дочерей казнённых, атаман отдал на поругание своим сподвижникам, а священникам приказал, с ними венчать. Тех же священников, кто отказывался выполнять его волю, тут же топили в Волге.

Ограбив дворян и приказных, Разин велел грабить дома священников и монастыри. Ворвавшись к ним, казаки и астраханцы стали пытать и истязать монахов и монахинь, требуя выдать спрятанные деньги и сокровища. Капитан Бутлер, спасшийся бегством из Астрахани с корабельным лекарем и немногими своими людьми, вскоре был пойман стрельцами на Каспийском море и доставлен к Разину, который по прихоти судьбы пощадил его и остался при атамане. Вскоре Бутлер попал в немилость у Разина и лишь по ходатайству лекаря и голландца Фабера, бывших у атамана в фаворе, его пощадил. Впоследствии, после ухода Разина в Саратов, Бутлер был отпущен с персидскими и индийскими купцами в Персию.

Тем временем мятежный атаман собрался идти в поход на Саратов. Астраханцы, узнав об этом, пришли к нему в большом числе с челобитной, чтобы тот позволил им разыскивать бежавших дворян и приказных людей, и истреблять их. На это атаман ответил: «...как де он из Астрахани пойдёт, и они б чинили как хотят; а для де расправы оставляет он им казаков в атаманы Ваську Уса, Ивана Терского и Федьку Шелудяка». После чего Разин велел вывести всех жителей города и привести их к присяге и крестному целованию. Однако часть оставшихся в живых священников, отказалась это сделать и стала его изобличать атамана в измене государю. Разин не стерпел такой дерзости и велел всех священников тот час утопить в Волге; одному же перед этим, «... руку и ногу велел отсечь».

Поверстав астраханцев в казаки, Разин 20 июля двинулся вверх по реке на 200 судах, имея 20000 войска. По берегу шла казачья конница в 2000 сабель. Через 40 дней после ухода Разина из Астрахани, 30 августа 1670 г., в городе вновь вспыхнули грабежи и бесчинства. Казаки и горожане, получив от атамана благословение на истребление ещё уцелевших дворян и приказных, продолжили их резню, и избиение: вламывались в дома, грабили и предавали смерти. В доме митрополита Иосифа искали скрывающегося главного смотрителя государственных рыбных промыслов Ивана Турчанинова. Самому Иосифу, пытавшемуся прекратить произвол и бесчинства, грозили смертью за отстаивание боярских интересов, поносили его последними словами и уходя, пообещали: «Только тебе у нас не уцелеть»..

В августе, когда Степан Разин с главными силами повстанцев пошел вверх по Волге. Вверх по Дону он послал трехтысячный отряд во главе со своим братом Фролом Разиным. Впереди с 23 донскими казаками шел атаман Федор Колчев. У него было важное поручение – установить контакт с полковником Иваном Дзиньковским. Узнав о прибытии Колчева в село Колыбельку, Дзиньковский через посыльного уведомил его, что для перехода острогожцев на сторону повстанцев достаточно прибыть от Разина «хотя де человек пять, не только что 23 человека», советует ему идти «наспех», чтобы опередить уже двигавшиеся из Белгорода войска князя Ромодановского, и заверяет, что «как де они придут и засядут Острогожской и Ольшанской, и Коротояк до боярского приходу, так де и все украинские города будут с ними».

9 сентября, на рассвете, разницы подошли к Острогожску и по приказу И. Дзиньковского были пропущены в крепость. На созванном по казачьему обычаю круге полковой писарь

Марк Жуковцев зачитал привезенное Колчевым письмо от Степана Разина: «Пишет Вам Степан Тимофеевич всей черни. Кто хочет богу да государю послужить, да великому войску, да и Степану Тимофеевичу, и я выслал казаков, и Вам бы заодно изменщиков выводить и мирских кровопивцев выводить. И мои казаки како промысел станут чинить и Вам идти к ним в совет и кабальные и опальные шли бы в полк к моим казакам».

Круг тут же решил: «воеводу Мезенцева посадить в воду, подьячего и откупщиков убить, „тюремных сидельцев“ выпустить, казенное имущество опечатать и тут же „безвечно скорым шагом“ с поднятыми знаменами идти к соседней крепости Ольшанску». Вечером того же дня разницы и острогожцы, которых «пошло с ними ста с 4», подошли к Ольшанску, население которого тут же перешло на сторону восставших. По общему приговору ольшанского воеводу Беклемишева казнили, сбросив с башни, а двух особо ненавистных «начальных людей» утопили. Взяв порох, свинец и пушки, восставшие вернулись в Острогожск и стали готовиться к походу на Коротояк.

А тем временем к Острогожску приближались два полка белгородского воеводы Ромодановского и «четыреста ратных людей» из Воронежа под начальством Ивана Михнева. В самом Острогожске священники, богатые торговые люди и часть казацкой старшины организовали заговор. Возглавили его наказной атаман Герасим Карабут и протопоп Троицкой соборной церкви Андрей Григорьев. В ночь на 12 сентября заговорщики тайно напали на повстанцев, схватили И. Дзиньковского, Ф. Колчева и их помощников, а остальных разоружили, связали и заперли в подклетьях крепости. Попытка жены Дзиньковского Евдокии сообщить о случившемся Фролу Разину, успехом не увенчалась, ее посланец был перехвачен. Теперь все внимание прибывших военачальников было направлено на Коротояк, куда на 70 стругах подплывали казаки Фрола Разина. 27 сентября у стен Каротоякской крепости произошел четырехчасовой бой.

В распоряжении Фрола Разина не было главного козыря любой военной кампании – внезапности. Каротоякский воевода Михаил Ознобишин своевременно сообщил в Москву о надвигающейся опасности и получил от главного воеводы Белгородского полка Григория Григорьевича Ромодановского подкрепление в составе рейтарского полка Григория Полтева и Сумского казачьего полка Герасима Кондратьева. Ознобишин, опасаясь, что к разницам примкнут местные жители, решил встретить врага на подступах к крепости, за рекою Коротояк. Бой начался 27 сентября 1670 г. в третьем часу дня (8 ч 5 мин. по современному счету часов и продолжался четыре часа, пока исход сражения не решил приход полка князя Г. Г. Ромодановского. После поражения Фрол Разин с остатками казаков отошел на Дон.

Вернувшийся в Острогожск воевода князь Ромодановский, поспешил учинить расправу над восставшими, и тем самым запугать еще волновавшееся население. 27 сентября до его приказа были расстреляны полковник Иван Дзиньковский, полковой писарь Марк Жуковцев, обозный Никита Волнянка, сотники Яков Чекмез и Василий Григорьев, а также Федор Наугольный, возглавивший примкнувших к восстанию стрельцов. Запоздавшая царская грамота предписывала четвертовать зачинщиков, а потом повесить. Чтобы выполнить волю царя, эту экзекуцию совершили уже над мертвыми. Разинского атамана Федора Колчева заковали в «железы» и под конвоем отправили для дальнейших допросов сначала в Белгород, а потом в Москву, где вскоре и казнили на Болотной площади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.